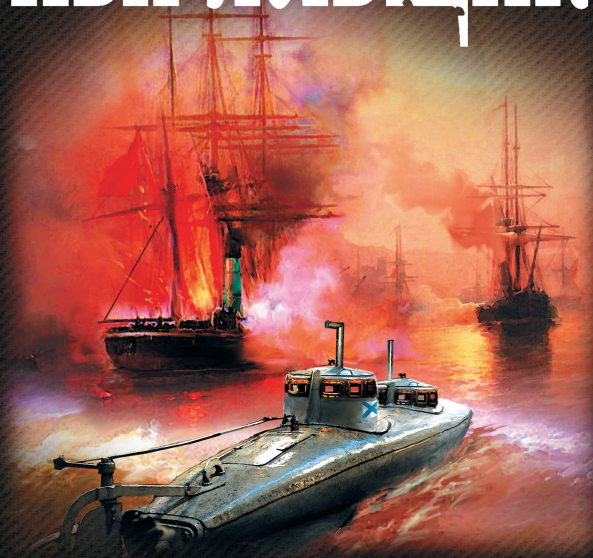

Сергей Калашников

МАЛЕНЬКИЙ НЫРЯЛЬЩИК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Сергей Александрович Калашников

Маленький ныряльщик

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48807348

Сергей Калашников. Маленький ныряльщик: Издательство АСТ;

Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120092-3

Аннотация

Петр Семенович – инженер-приборостроитель, попадает в 1876 год – канун последней русско-турецкой войны. Об уровне технического прогресса он помнит только по фильму «Турецкий гамбит». Но он же – русский человек и сидеть сложа руки не желает. Тем более что отдельные сведения об истории техники в его памяти сохранились. А не замахнуться ли ему на создание маленькой подводной лодки, потому что о причинах скромных успехов минных катеров этого периода он представление имеет? «Маленький ныряльщик», замаскированный под дельфина, наводит переполох и в Черном, и Средиземном, и Японском морях, ведь он несет на своем борту оружие, от которого не может уйти ни один военный корабль.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	61
Глава 5	80
Глава 6	96
Глава 7	112
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Сергей Калашников

Маленький ныряльщик

© Сергей Калашников, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Глава 1

Ассимиляция

Небо с редкими кучевыми облаками выглядит не слишком глубоким. Оно имеет насыщенный четкий цвет, какой бывает весной. Тут нынче солнечно и тихо. Вокруг много берез, но ветви их не покрыты листвой – они голы и черны. Дымка набухающих почек тоже еще не заметна – рано пока листьям распускаться. Вон и снег лежит под деревьями, съезжившийся, присевший, испещренный язвинами протаек и припорошенный лесным мусором. Особенно убедительно смотрятся грязновато-белые участки под елями – нарядными и пушистыми, как всегда.

Я стою на склоне пригорка и с наслаждением любуюсь красотой нашей русской природы: просторной луговиной, из которой торчат клочья вытаявшей прошлогодней травы, темной кромкой леса в отдалении, разбитой мокрой грунтовой. Мне почему-то очень хорошо и ни о чем думать решительно не хочется.

А надо.

Надо сообразить, куда я попал.

Выходил из подъезда, увидел, как обращенное ко мне лицо прохожего исказилось каким-то сильным чувством. Даже рот стал приоткрываться, видимо, чтобы выпустить крик...

и – вместо унылого городского двора вокруг меня раскинулось великолепие загородного простора. Первое, что приходит на ум – на меня что-то свалилось и зашибло. Если бы очнулся в больнице, значит не насмерть. А то, что очутился я в окружении невообразимой красоты, верный признак попадания.

В рай? Возможно, хотя я в него и не верю. Да и как-то безлюдно тут. Ни ангелов тебе, ни гурий. Зато воздух здешний – чистый нектар. Так бы и пил без передышки.

После нескольких энергичных вдохов голова закружилась, и я полез в карман за сигаретами. Пусто. Точно, я же как раз за ними и шел в ларек. Да уж – реакции живого тела никуда не девались. Так что, выходит, скоро и есть захочу. А потом и спать потянет.

Так помаленьку разум приводил меня к пониманию необходимости осознать себя и сообразить, что делать дальше. Если бы не дорога, я, наверное, принялся бы выворачивать карманы в поисках там вещей, необходимых Робинзону, чтобы искать пропитание, охотясь или рыбака, строить хижину и осваивать технологию изготовления ручного рубила. А так – понятно, что необходимо выбираться к людям. Потому что дорога не столько натоптана, сколько накатана. Не тропа это, а езженный путь.

Спросите, не боязно ли мне? Нет, не боязно. Я ведь наверняка уже погиб там, где жил раньше. Поэтому ко всему, что происходит сейчас, отношусь как к некому довеску к уже

прожитой жизни. И потрачу я его, этот довесок, на получение одного сплошного удовольствия. Поскольку же от страха или адреналина никакой радости не ощущаю, то испытывать сильных эмоций не желаю категорически. Я ведь уже далеко не юноша. И верю в то, что даже если все живущие здесь люди намерены меня обидеть, то это вовсе не причина прятаться и дрожать от ужаса. Безразличие к возможным опасностям не раз позволяло мне сохранить разум в ясности и не наделать глупостей. А сейчас, после, как я полагаю, удара по голове и недавней гибели, чувствую в себе просто бескрайний разлив равнодушия, некую отстраненность от возникших передо мною проблем.

Спускаюсь со склона к дороге и поворачиваю налево. Разбитые колеи, мешанина грязи на дне узких, заполненных водой канавок, осевшая на дно податливая на вид размокшая глина, покрытая прозрачной отстоявшейся водой – и ни одного следа автомобильных шин. Тут ездят на телегах с узкими колесами. Вот и навоз, и отпечатки кованых копыт. Не в близкие годы я угодил – явно в прошлое.

Лезть в грязь и месить ее подошвами ботинок нет никакого смысла, поэтому иду вдоль обочины, наступая на прошлогоднюю траву. Дальний лес тянется справа за дорогой и полем. Слева покатый склон, на котором уже можно углядеть пробивающуюся зеленую траву. Мне тепло в дубленке, и, чтобы не вспотеть, я расстегнул ее. Так не жарко. Можно отдаться течению мысли. Заботы прошлой жизни, словно на

прощание, неспешной чередой проходят перед внутренним взором.

Жена на пенсии, дети... дочь замужем, а сын, кажется, тоже скоро будет окольцован. Внуки – дети как дети. Обойдутся и без моего заработка. На работе, конечно, могут нагнать, но поплюхаются чуток, да и справятся. Есть у нас в коллективе и без меня светлые головушки, а опыт – дело наживное. К тому же объяснял я много и доходчиво, поэтому уверен – и гигрометр до ума доведут, и эту штуку с шариком на конце доделают. А правый винт шпингалета, что дома на двери в ванную, я только что затянул...

– Барин, садись, подвезу! – Вот, задумался и не обратил внимания на то, что меня догнала телега. Ведь и скрипело сзади, и фыркало, а пока не услышал человеческого голоса, так и переставлял ноги, ни на что не обращая внимания. Это мегаполис превращает нас в слепоглухонемых до той поры, пока не почувствуешь воздействие, оказанное непосредственно на тебя.

– Спасибо, голубчик. Я гуляю. Мне доктор велел.

– А-а. Тогда ладно. А то ведь тут еще версты три, – мужик тряхнул вожжами, пронзительно чмокнул и покатил дальше.

Пальто на нем длинное из грубой тканой материи, напоминающей мешковину, но плотнее. Думаю, это армяк, потому что на груди имеет место глубокий запах к плечу, где отворот закреплен деревянной пуговкой-палочкой, и талию перетягивает мягкий, вроде шарфа, кушак. Шапка на-

поминает покроем цилиндр, которые носили в эпоху фраков. Только материя на головном уборе – та же мешковина, отчего форма головного убора против прототипа менее четкая – и поля, и торчащая из них труба имеют разнородные беспорядочные деформации. Штаны из той же домоткани, однако материя тоньше, фактурой приближается к брезенту, который использовали для курток сварщиков. Все это выкрашено в один цвет, хотя каждый предмет одежды выцвел в свою меру. Общая тональность – сдержанная, ближе к коричневому.

Борода опрятная, стриженная, но без фасону – просто укорочена, чтобы не мешалась. Ни в лошади, ни в телеге глаз не подметил решительно ничего, стоящего особого упоминания, – не шибко я разбираюсь в гужевой тематике.

Проводил взглядом возницу и понял, что упустил шанс проехать рядом с человеком, способным рассказать мне много полезного о том, где я и что тут вокруг творится. Ну а что делать, если при прощании я не смогу дать ему даже пятак на водку.

Откуда такая аналогия? Так человек этот словно вылез из мультика про то, как один мужик двух генералов прокормил. Лапти на нем смотрятся гармонично и естественно. Нога обмотана портянкой и поверх перевита шнурочком. Таким персонажам за услугу категорически предписывается выдавать пятак, которого у меня нет. А пятирублевая монета Российской Федерации вряд ли заинтересует здесь кого-ни-

будь, кроме собирателя диковинок.

Так вот. Внутренний голос дал мне понять – именно этот мужик диковинками не интересуется. А еще этот же самый голос намекает на то, что на дворе девятнадцатый век. Почему именно девятнадцатый? Знаете, когда всю жизнь имеешь дело с техникой и преимущественно про нее читаешь книжки и роешь сетевые ресурсы, начинаешь каждую историческую эпоху оценивать по совокупности вещей, ее наполнявших. По разным деталям, с виду неброским. Вот скажем, железная шина на тележном колесе. Не на городской коляске и не на карете вельможи, а на крестьянской телеге. Для меня это явный признак того, что черная металлургия выросла из коротких штанишек, которые носила несколько тысячелетий. Железо доступно даже человеку, одетому в одежду, пошитую из сотканной его супругой материи, и обутому в лапти.

Итак. Россия. Средняя полоса. Девятнадцатый век. Судя по обращению «барин», возможно, крепостное право еще не отменено. Я неважно знаю историю. Даже дату этого события помню весьма приблизительно. Она у меня ассоциируется с продажей Аляски – ну не судите старого технаря. Тысяча восемьсот шестьдесят с чем-то.

* * *

Так, спокойно рассуждая, подошел я к городу. Стоит он

на берегу реки, и купол церкви однозначно указывает на то, где расположена центральная его часть. Храм возведен из камня, вид имеет опрятный, ухоженный. Вокруг угадываются двухэтажные кирпичные строения, а все остальное вокруг деревянное. Многие трубы дымят потихоньку, но ни запаха, ни копоти не чувствуется.

Дорога, по которой я иду, вливается в улицу. Сначала справа появляется забор, за которым ничего нет – ровное место, истоптанное в кашу. Изгородь – две жерди на столбах. Человека этим не остановишь, разве что корова или лошадь затруднятся преодолеть подобное препятствие. А вот дальше вдоль пути моего следования начинается тын. То есть те же столбы и те же жерди, но к ним прикреплены вертикальные палки. То, что находится по другую сторону, вызывает мысль об огородах, о козах и свиньях, для которых это препятствие и сооружено.

Дальше заборы утратили прозрачность – сплошные доски. Я бы сказал – горбыль. Но сейчас это, наверное, называется тесом. За ними угадываются сараи и дома. Сараев больше. Навстречу стали попадаться люди. Женщины сплошь в длинных платьях, что мне не очень понравилось. Как-то уж очень архаично смотрится. На ногах ботиночки или сапожки. А может быть, боты – я застал еще этот вид обуви в детстве. Но наверняка не скажешь, что сейчас носят – подолы все скрывают, только изредка носок покажется на глаза. А вот верхняя часть комплекта – на любой вкус. От коротких,

до пояса, мило отороченных мехом курточек, до суконных приталенных пальтишек, при виде которых на память приходит слово «свитка». И ничего, что было бы до пят. Не зима уже – морозы миновали, но до лета пока далеко.

Мужчины же носят длинные плащи, как с рукавами, так и с обширной пелериной, из-под краев которой при надобности высовывают руки. Впрочем, это я о господах благородного вида. А еще встречаются уже знакомые мне армяки, но не из домоткани – явно из материала мануфактурной выделки, и даже пошитые с некоторым шиком.

Тот факт, что со мною раскланиваются, поначалу вызвал легкое недоумение, но я сообразил, что подобный обычай примечал и в свое время в русской глубинке... давненько. Так вот тут как раз и есть глубинка, и именно давненько. А кивнуть в ответ – это у меня давно получается на автомате. Походите-ка с мое по заводу, где работают тысячи человек, которых всех ни в жизнь не упомнишь! Невольно станешь кивать на любой приветливый или узнающий взгляд. Иначе окажешься гордецом и невежей.

Между тем, по мере продвижения к центру, дорога перестала чавкать под ногами. Влажная она, да, но плотная. Как будто что-то в нее подсыпали, на манер каменноугольного шлака. И тропинки, идущие вдоль заборов, хорошо утоптаны. Вывески портного и сапожника над крылечками выходящих на улицу домов, поперечные переулки, в конце которых слева видна недалекая река – улица не вела меня к центру, а

огибала его вдоль берега. Купол колокольни маячил справа, а слева до моих ноздрей донесся запах съестного.

Он шел из распахнутой двери двухэтажного дома. Вывеска «Трактирь» не оставляла сомнений в том, что нюх меня не обманул. Хм. На первых порах не будет ничего зазорного в том, чтобы устроиться посудомоем за еду и койку, – эта мысль показалась мне простой и естественной. Я ведь тут никого и ничего не знаю, так что не стоит привередничать.

Вошел. Просторная комната со столами, накрытыми скатертями. Кроме входной двери, есть еще две, ведущие вправо.

Из-за конторки, пристроенной слева у окна, навстречу мне повернулся молодой чисто выбритый мужчина в белом переднике поверх заправленных в сапоги шаровар. Атласная косоворотка застегнута под самым горлом, а на сгибе руки висит полотенце. Это половой. В точности такой, каким его представляют во всех фильмах. Классика.

– Здравствуйте! Желаете отобедать?

– Здравствуйте. Желаю, но не могу себе этого позволить в связи со стесненностью в средствах, – вводить в заблуждение вероятного коллегу нет ни малейшего смысла.

– В дороге поиздержались? – и улыбается какой-то выжидательной улыбкой.

Ха! Это же из «Ревизора». Ну да. Деятнадцатый век на дворе.

И что прикажете отвечать? Хотя губы мои растягиваются

в произвольной улыбке – все как у нас. Только крылатые фразы заимствованы не из фильмов, а из того, что в наше время давно уже включено в школьную программу.

Видимо, сообразив, что я все прекрасно понял, половой отодвигает стул рядом с ближайшим к конторке столом и забирает у меня шубу:

– Присаживайтесь. Сейчас я вам щей принесу. Ох, и хороши они у нас нынче!

Мне остается только благодарно кивнуть и... сделав шаг к конторке, где лежит газета, я невольно кошу на нее глазом. Тысяча восемьсот семьдесят шестой год. Март месяц. Не думаю, что это меня удивило. Тем более что кроме щей расторопный малый принес и горку нарезанного правильными ломтями хлеба, и стеклянный графинчик с бесцветной жидкостью, и даже рюмочку поставил.

– Отведайте, – только и сказал. И снова повернулся к конторке.

Выпить водки было бы замечательно. Вот вы думаете, что если я такой спокойный, то ни капельки не мандражирую? Как бы не так! На самом деле я испытываю сильнейший стресс. Только потрясать окружающих фейерверком истерики это не по-нашенски. Не мужское дело нервами звенеть или брызгать слюной. Переживания следует запрягать в тележку трудолюбия и пахать на них борозду, ведущую вперед.

Так вот. С одной стороны, не отведать предложенного нельзя – это было бы неучтиво. С другой – мозги мне нынче

нужны свежие. В общем, налил полрюмочки и откушал.

Водка как водка. Градусов сорок будет. Хоть тресни меня, не помню, в каких датах Дмитрий Иванович Менделеев рекомендовал такую крепость любимого мною напитка, но здесь и сейчас все правильно. И щи правильные, и хлебушко, и размер порции в самый раз.

– Благодарствуйте, добрый господин, – это я уже доел и обращаюсь к половому. – А ведь затруднения мои я намереваюсь разрешить с вашей помощью. – Вижу изумление в глазах юноши и, сообразив, что перемудрил с витиеватостью, спешу рассеять возникшую напряженность. – Я ищу себе места за еду и ночлег. Могу мыть посуду, колоть дрова и выполнять иную работу.

– Признаться, сударь, принять работника на таких условиях никто не откажется, – в глазах полового плещется веселье. – Но, боюсь, предоставить вам приют надолго мне не удастся. Через пару месяцев мое заведение исчерпает возможности содержать его, и мне придется продать дом, чтобы расплатиться с кредиторами. Вы же видите, сколько здесь посетителей!

Действительно, на весь зал нас только двое, хотя время обеденное.

– То есть вы тоже находитесь в стесненных обстоятельствах, но готовы принять меня, не слишком нуждаясь в моих услугах? – позиция собеседника озадачивает. С обычаем моего времени она абсолютно не коррелирует и особен-

но непримиримо расходится с представлениями о нравах содержателей трактиров и кабаков. Вот сложилось о них представление как о людях жестких и алчных, и все тут. Где-то я об этом читал.

— Один рот ничего не изменит в существующем положении дел, — половой, оказавшийся хозяином заведения, опять улыбается, на этот раз печально. — Ваше присутствие несколько меня не стеснит, а предложенная помощь может оказаться кстати. Платить работникам я решительно не в состоянии, а иногда сил одного меня просто не хватает на все, особенно если зайдет посетитель.

Оставалось только кивнуть и представиться. Мой новый хозяин назвался Макаром Андреевичем. Через десять минут я получил штаны и косоворотку, переоделся на втором этаже в отведенной мне комнате и приступил к работе: вымыл тарелку, из которой только что поел. Через полчаса накормил теми же щами пятерых простого вида мужчин — работников с пристани, что буквально в двух шагах вниз по переулку. В аккурат на пяточок получили мы от них выручки. А вообще-то было скучновато. Действительно — не идет сюда народ.

Чуть погодя появилась пара совсем молодых людей — парень в гимназической шинели и девушка в строгом платье с фартуком, поверх которого накинуто пальто форменного вида. На мою попытку усадить их за стол они рассмеялись и умчались наверх. Понятно, живут они здесь.

Вернувшийся Макар Андреич рассеял мои сомнения:

– Брат с сестрой вернулись с занятий. Их гимназии по соседству и уроки завершаются одновременно.

* * *

Сидеть просто так в пустом зале было скучно, а впечатлений на сегодня мне уже достаточно. Пустая же кухня с котлом горячих щей на плите навевала тоску. Макар, найдя, на кого оставить эту тоскливую картину, колот дрова на заднем дворе, а я, обнаружив бочку селедки и ларь с картошкой, отыскал горчичный порошок и растительное масло с уксусом. Привычно освободив нарезанные ломтики от шкурки и костей, замариновал жирную мясистую рыбку в горчичном соусе. Вечером случается, что несколько посетителей могут по чистой случайности оказать честь нашему убогому заведению, как сказал хозяин. Как раз рыбка пропитается и дойдет до кондиции.

Потом посмотрел на корзинку яиц – и смешал майонез. Кто застал период перед развалом СССР и помнит волну непредсказуемых дефицитов, может помнить и этот немудреный рецепт, главное правило которого – мешать всегда в одну сторону. Прямо скажу, занятые руки отлично прогоняют из головы дурные мысли, в чем я в настоящий момент остро нуждаюсь. Отварить свеклы, отыскать головку сыра и соорудить селедку под шубой вообще получилось на автомате, только с крошением сыра поступил не по классике – не

сумел отыскать терку. Я его ножом напластал на доске, а потом досек до кондиции, благо он оказался достаточно твердым и не слишком прилипал к лезвию. Потом сверху спустились переодевшиеся в русские костюмы гимназисты с гитарами и принялись за исполнение песен, направляя голоса в по-прежнему распахнутую на улицу дверь. Такая вот немудреная попытка зазвать посетителей. Ну не кричать же призывы с крыльца, как у балагана на ярмарке!

А все равно никто сюда не заглядывает, вот и весь сказ. И что ты будешь делать? А ведь ходят мимо вероятные клиенты! Что обидно, голоса у молодых людей прекрасные, звучат чисто, и играют ребята великолепно, а вот как-то никого это за душу не берет.

Чу! Слова знакомые, а в мотиве – явно не то! «Утро туманное» звучит абсолютно не так, как я привык реветь его за столом, когда с большим удовольствием драл глотку во хмелю да в хорошей компании старых друзей. Пошел разбираться.

Как все запущено! Мне показали ноты, в которых я ни петь, ни читать, и наизусть знакомый текст, принадлежащий перу, как выяснилось, Тургенева. Фамилия же композитора мне вообще незнакома. Напел я старую добрую песню, которая считается романсом, так как знал с самой что ни на есть юности. Мой вариант ребятам понравился значительно сильнее исходного. Да и нет там ничего сложного, это не загогулистая «АББА», из мотивов которой кроме припева шляге-

ра про деньги мне отродясь ничего не давалось.

Аккомпанемент они подобрали на слух и немного порепетировали – душевно получилось.

Потом я спел им «Окрасился месяц багрянцем», «Огней так много золотых» и «Мохнатый шмель». Больше из старинных народных песен мне так сразу ничего не вспомнилось, и я до кучи выдал стройотрядовскую «пиратскую» – «Наш фрегат давно уже на рейде». Молодежь схватывала на лету и освоила все с первого раза. Только успели переписать тексты, как Макар отвлек меня от общения с талантливыми юными созданиями – надо было обслужить группу «товарищей» в пронзительно смазанных сапогах, требовавших выпить и закусить как следует. В них вся моя селедка и ушла. И та, и другая.

Началось с простейшего вопроса:

– Голубчик, а вот это, вот то, что вы нам сейчас подали, это что оно такое?

– Селедка под шубой, сударь.

– Почему под шубой? Зачем под шубой? Васькин, вы это слышали? Да отчего же под шубой?

– Под какой шубой?

– Под боярской шубой, милостивый государь.

– Тогда неси еще, да поскорее.

Спросите, как я успевал? Ну да, не мальчик уже, чтобы носиться как угорелый. А вы помните Бэрримора из фильма про собаку Баскервиллей? Да кто же его забудет! Так вот,

замените слово «сэр» на слово «сударь» – все становится на свои места. Остается копировать ухватки британского дворецкого и его манеру излагать – и все довольны.

Кажется, затолканные в карман моего передника чаевые несколько превысили размер выручки. Не знаю – я их не считая Макару отдал... Андреичу. Он-то другую компанию обслуживал и крутился как наскипидаренный. Всего-то господин заглянул с дамой, а требования – что тебе граф с графиней. И то им вино не то, и еще что-то по-французски, но насчет погонять «человека» – это они мастера.

Собственно, больше никого и не было, но хозяина они умотали до жалобного взгляда. Не то, что оказавшие нам честь своим посещением купеческие приказчики, завернувшие сюда по пути с пристани. Этим – лишь бы в графине не пересыхало. А уж и огурчики, и капустку квашеную, и кашу... эту... не помню названия, что Макар готовил-старался, все прибрали. Про осетринку и про икорку молчу – ими ребятишки разминались. Подчистую выгребли, что было наготовлено, и тут же попадали лицами... нет, не в салат – тарелки выхватывать я успевал.

Варенька принесла милые такие подушечки-думочки. Вот их-то мы с братом ее Игорьком и протолкнули в пространство между столешницей и щекой почивающих господ. Ворочать этих кабанчиков я просто не решился, да и девать их нам было решительно некуда. Пускай проспятся. А мы закрываемся на сегодня.

Макара я отправил отдыхать – он молодой, ему сон важен. А я по-стариковски высыпаюсь за четыре-пять часов. Гитлеристам и подавно пора на боковую – им рано утром нужно вставать и отправляться на занятия.

Пока помыл посуду, пока прибрался – зашевелились гости. Глас естества призывал до ветру то одного, то другого. Выходили они на крепких ногах и больше не возвращались. Наконец, я запер входную дверь уже не в переносом, а в самом что ни на есть прямом смысле, погасил керосиновые лампы и тоже поднялся к себе.

Знаете, поселили меня отнюдь не в каморке под лестницей. Вполне нормального размера комната с кроватью и письменным столом. Мягкая перина, теплое одеяло и чистое белье. Даже ночную рубашку положили и колпак. Горшок под кроватью вызвал невольную слезу умиления. Ну, раз так полагается, буду привыкать к здешним порядкам. Это я не про горшок. Он мне без надобности. Но ночнушку надел и колпак на голову напялил.

Несмотря на несомненный успех в деле устройства меня любимого в неизвестном городе глубокой старины, я испытываю смутное беспокойство, и связано оно с именем девушки. Не подумайте про всякие глупости – эта сестра своих братьев всего-то года на три старше моей внучки. Но чувство, что с Варварой Андреевной из девятнадцатого века я каким-то неведомым образом знаком, меня не покидает. Хотя внешность ее решительно никого и ничего не напомина-

ет. Чудеса!

Глава 2

Крамольные мысли

Проснулся я, когда уже светало. Как раз часы внизу пробили восемь раз. То есть проспал никак не меньше шести часов, чего на мой организм более чем достаточно. Пока одевался в униформу полового, услышал, как хлопнула входная дверь – гимназисты ушли на занятия, не иначе. Внизу на столе ждал меня горячий чайник и мой хозяин. Вчерашний «наплыв» посетителей одухотворил его, и теперь он буквально бил копытом, рассчитывая как минимум на повторение. Навивный. Чистая случайность это была, вот и все.

Но негоже человеку крылья обрезать. Поэтому свои соображения я засунул куда подальше и делал, что велят. «Открыл» хозяину секреты майонеза, селедки под шубой и горчичного соуса. Про свой любимый салат «Оливье», естественно, даже не заикнулся, потому что зеленого горошка нигде не видел и вообще не знаю, есть он в этом времени или нет. День проходил в приготовлениях к вечернему наплыву гостей, а голова за делами оставалась свободной. Со всем свободной. Никакие мысли в ней не крутились – верный признак отсутствия задач, решение которых всегда наполняло смыслом мою жизнь.

Днем, как обычно, коллектив рабочих заходил в обед за-

правиться щами, что принесло очередные пять копеек выручки – как я понял, этими завсегдатаями хозяин дорожит. Потом школяры вернулись, то есть гимназисты. На этот раз они сразу принялись пытаться меня насчет песен, и я поднапрягся, вспоминая. Дома, в свое время, в любой компании и при любой степени опьянения я легко присоединял свой голос к хору, что бы ни пели. Но сейчас затруднялся – надо было соответствовать эпохе. Не так-то просто выбрать нужное.

«Вот кто-то с горочки спустился», потом «В шумном городе мы встретились с тобой» со старой, еще быющей, а не винилластовой пластинки, крутившейся на скорости семьдесят восемь оборотов в минуту. Совсем замучившись вспоминать – «Жаркий огонь полыхает в камине». Как вы понимаете, авторов слов или музыки я отродясь не запоминаю, а по звучанию они кажутся мне соответствующими духу нынешнего времени – то есть ни про самолеты в них не поминается, ни про танки, ни про другие достижения техники.

Трех песен ребятишкам не хватило, и они потребовали еще одну пиратскую. На память пришла «Ровно по кружкам разлит суррогат». Выдал. Заучили. Думал, спросят, что это такое – суррогат? Спросили. Что такое чифирь. Сказал, что это ужасно гадкий напиток из жженого сахара с ромом.

– А! Так это разновидность пунша! – обрадовалась Варенька.

Не стал ее разубеждать. Девице лет шестнадцать. По мер-

кам этого времени даже не знаю, взрослая она или нет? Такая с виду пай-девочка, но на столь уверенное суждение о пунше Макар заметно нахмурился. Он ненамного старше своих брата и сестры – наверное, прекрасно помнит, каким был в их возрасте. Но – положение обязывает держать сестрицу в строгости.

* * *

Вечером долго никто из посетителей к нам не заглядывал, и мы уже совсем приуныли, хотя я был к этому готов. Но Макар весь испереживался и просто места себе не находил. Слонялся между столами, поправляя скатерти, выглядывал на улицу через распахнутые двери, переставлял бутылки. А потом зашел человек в незнакомой форме, но не военный. С дамой. Сели в уголке, приказали подать чаю и тихонько о чем-то переговаривались. Ушли они сразу после того, как прозвучал «Жаркий огонь», крепко взявшись за руки, причем сильно торопились. Наверное, пронзительное исполнение Варвары Андреевны проняло их до самых печенок – вошла девушка в образ жертвы мужского шовинизма, ничего не скажешь. Дело в том, что и меня ее пение до печенок проняло – вышибло слезу сочувствия к нелегкой женской доле и словно выстрелило в память, откуда эта песня взялась и кто такая Варвара Андреевна. Это же из фильма «Турецкий гамбит», про войну, которая состоится как раз через год.

Однако с мысли меня сбила группа то ли купцов, то ли приказчиков, а может, и тех и других, среди которых был один вчерашний знакомец из числа «засидевшихся» обладателей невыносимо смазанных сапог. Потребовали эти люди селетки по-вчерашнему и пока всю не съели, не вставали. А поскольку опрокидывать рюмочки они не переставали ни на минуту, то потом просто смели вообще все, что было наготовлено.

На сей раз мы уже не сплеховали, отправили укушавшихся по домам на извозчиках. Нынешние лихачи – парни крепкие да ухватистые и знают, кого куда доставить. С приборкой мы управились значительно скорее и за час до полуночи закрылись.

* * *

Лежу это я себе на мягкой перине и вспоминаю, что мне известно о войне, которая начнется только через год. Зачем мне это нужно? Хм. Я большой любитель читать книжки. И так уж сложилось, что более других жанров нравится мне фантастика. Сейчас, понятно, ничего подобного еще толком нет, разве что сочинения Жюль Верна. Да и то не уверен, есть они нынче в России или еще нет. Но я-то их читал. Разумеется, они были вовсе не про эту войну. Разве что «Дунайский лощман», который я помню совсем смутно, считай, одно название. Из школьного курса истории об этом периоде вообще

ничего не осталось в памяти. Вот про предыдущую, Крымскую, да, впечатления сохранились. Оборона Севастополя, англичане, французы, матрос Кошка, напряженные бои на артиллерийских батареях. И досадное поражение.

Из свежих впечатлений о моей нынешней эпохе запомнился фильм «Турецкий гамбит» про то, как русские жандармы долго и крайне неудачно ловили вражеского шпиона Анвара-эфенди. Персонаж этот наверняка вымышленный и практического интереса представлять никак не может. Зато из действительно важного легко припомнить воздушный шар, поднимаемый на канате, паровой трактор, шрапнельные снаряды и револьверы у офицеров. Такая вот иллюстрация технического уровня эпохи. Армейские винтовки на экране толком не показывали, так что какие-либо важные детали об их конструкции совершенно не запомнились, но магазинный винчестер в руках главного героя и магазинная же винтовка незнакомой мне системы со скользящим затвором в руках главного злодея – тоже показатели промышленного уровня.

А вообще-то сценарист явно создавал картину бурного технического прогресса, имевшего место в это самое время. Надо сказать – сумел он донести до зрителей атмосферу новаторства и применения в войсках последних достижений конструкторского гения эпохи. Или режиссер.

В отличие от предыдущей войны, эта закончилась победоносно, да вот только остался у меня после просмотра ленты

какой-то осадок. Особенно в финале было заметно, что как-то не склеилась эта победа. Ведь главный герой примчался в передовую часть, чтобы остановить войска, двинувшиеся к неприятельской столице по железной дороге, и показал другим участникам событий на корабли, что стояли на якорях в море у берега. Английские. Точно. Выходит, наши испугались гнева британцев и из-за этого не захватили проливы. Обидно.

Кстати, именно этот эпизод, думается, киношники списали с реальных событий.

И вот тут мне сделалось не по себе. Я ведь, оказывается, знаю важное для государственной политики обстоятельство. Первая мысль – рассказать об этом кому-то влиятельному, такому, кто бы мог использовать столь важное знание с пользой для положения страны – показалась мне не плодотворной. Ну не найти мне веских аргументов для убеждения сановитого лица. Я по натуре – работник. Мое место – между оглоблями, а те, кто сидит на козлах – чужие. Общаться с ними мне никогда толком не удавалось, кроме как о том, что требуется для решения поставленной передо мной задачи. По молодости, конечно, нахватался шишек, пытаюсь поучать или стыдить, но потом сообразил, что точно отвечая на поставленные вопросы, я скорее добьюсь нужного результата.

Приемов в общении с начальством у меня наработано немало. Например – сделать по-своему, в крайнем случае сказать, что ошибся. Это прокатывает, если перед этим не

было спора с доведением руководителя до белого каления. В подобном случае, то есть – после спора, даже если окажешься прав, будешь наказан. Но лучше всего – сделать свое дело вообще без спору, а потом отрапортовать об исполнении указания. Да существует море возможностей, чтобы добиться правильного результата, лишь бы не допустить даже намёка на угрозу статусу вышестоящего лица. Вот и в данном случае вылезать туда, где собрались самые отборные борцы за место поближе к верху иерархической пирамиды – это добром не кончится.

У правителей другой разум и совершенно непонятные нам, обычным людям, интересы.

А что я могу сделать сам? Своими руками? Нет, не кого-то убедить, а внести некое практическое изменение в ход событий?

Легче всего – что-то сломать. И даже не надо терзаться с выбором этого самого «что-то». Разумеется, лучше всего как раз и будет – сломать те самые британские корабли. Думаете – размышлялся? Не-а. Просто обычный формальный анализ. Для тех, чья жизнь связана с решением конкретных технических задач – привычная рутинная процедура.

Итак, цель – водоизмещающие суда, неподвижно стоящие на якоре в пределах прямой видимости с берега. Километров пять до них было на глазок, если я правильно припоминаю кадры из фильма. И нужно сделать так, чтобы они утопли. Проще всего добиться этого артиллерией с берега, но мне

такой вариант недоступен, поскольку требует изрядного административного ресурса, то есть именно того, с чем я избегаю иметь дело. Подтащить пушки и боеприпасы без распоряжения командования нереально. Оно, это командование, ни за что со мной не согласится. Это же очевидно, потому что в истории даже и не подумало обстреливать британские корабли. Наверно, по дипломатическим соображениям.

Второй вариант – ночью прямо с берега запустить по целям торпеды. Есть ли они в это время? Данные противоречивые. С одной стороны, всем известно, что в этой войне Степан Осипович Макаров много работал с шестовыми минами. С другой, в «Таинственном острове» Жюль Верна торпеда уже использовалась, а случилось это в конце войны между Севером и Югом.

С чего я решил, что американцы воевали друг с другом раньше? Так из кино. В «Унесенных ветром» янки носили точно такие же кепи, как и русские солдаты в «Турецком гамбите». А ведь это не нашенский головной убор! Значит – переняли у американцев, потому что относились к ним хорошо. Кажется, из рассказов Станюковича мне запомнилось такое настроение в обществе. Отсюда и возникла в душе уверенность, что где-то в мире торпеды уже придуманы и кем-то используются. Но не у нас.

Тем не менее в период русско-японской войны эти самые торпеды дальше двух километров не доплывали, то есть и сейчас, тридцатью годами ранее, ими с берега до британских

кораблей не дострелить. Так что, как и артиллерию, самоходные мины пока следует отложить в сторонку.

Завести под днища кораблей подрывные заряды и отпалить их? Но проплыть пять километров в воде, буксируя изрядный груз... опять же вода будет холодная – точно помню, что герои фильма в этом эпизоде одеты были не по-летнему. А шлюпку военные моряки к себе не подпустят – не идиоты же они! Поэтому в голову невольно приходит мысль не о простой лодке, а о подводной.

Попытки их создания делятся уже не одно столетие. Каких только картинок ни встречал я в популярных журналах. И были они все маленькие, потому что приводились в действие мускульной силой членов экипажа. Кстати, а ведь отмечались даже попытки удачного применения их против неподвижных кораблей. Ну-ка, ну-ка, припомним?

Я принялся ковыряться в памяти, разыскивая в ее уголках все, что читал или видел на картинках в книгах и журналах – про подводные корабли частенько публиковали самые подчас курьезные заметки и изображения.

Первым почему-то пришел на ум «Наутилус», но не фантастический, капитана Немо, а крошечный, кажется, одноместный, с кокетливым парусом, растянутым на растопыренных, как у зонтика, спицах. Еще как живая встала перед глазами картинка подводной лодки, похожей на короткую торпеду, с острыми носом и кормой и фонарем, подобным самолетному, в котором и торчала голова единственного подвод-

ника, крутившего педали с приводом на винт. Причем ноги вытягивались далеко вперед, отчего человек располагался лежа на спине.

Этот вариант показался мне самым удачным, потому что сечение корпуса оказывалось минимальными, отчего снижалось сопротивление воды движению. Ну и острые обводы – тоже выигрыш в скорости. Ведь, если гребец способен разогнать лодку так, что бежит она в пару раз скорее, чем идет пешеход, то и тут можно ожидать сходного результата. Соорудить подобную посудину можно даже своими руками и преодолеть на ней пять километров будет совсем несложно. Ночью ее издалека и не заметишь, а поднырнуть под днище и что-то там отпустить, чтобы оно всплыло – это получится запросто. Кажется, при всех успешных минированиях неподвижных кораблей с подводной лодки применяли два предмета с положительной плавучестью, связанные веревкой, которая оставалась под килем. Мины же всплывали и прижались к днищу или бортам, растянув связывающий их канат.

Вот и вполне рабочее решение – при отрыве «снаряда» от носителя запускается часовой механизм. Лодка уходит, и – бабах! В принципе в пределах такой схемы – все решается даже самыми простыми методами буквально из подручных материалов.

Как доставить все это к месту применения? Имеется в виду – в Турцию неподалеку от Стамбула. Судя по тому, что я

видел в фильме, по нашей действующей армии в эти времена кто только ни шастал. Даже полоумная девица, пожелавшая сопровождать жениха в зоне ведения боевых действий, и та была привечена всеми подряд. Так что, думаю, старый чудак с педальной байдаркой не вызовет никаких подозрений. Я ведь не стану никому рассказывать, что оно может плыть под водой. Да и, если не принять балласта, то по внешнему виду мое создание не отличишь от обычной лодки.

Пусть считают меня безумным изобретателем, решившим доказать, что на его лодках можно форсировать водные преграды – тот же Дунай. Только нужно их построить много, по штуке на каждого солдата. Глупость, скажете? Может быть. Но скорбных разумом в России привечали всегда – такова наша национальная традиция.

Что еще осталось из принципиальных вопросов? Взрывчатка. Конечно, это будет динамит. Есть ли он в это время? Надеюсь. Кое-что я и сам подметил тут, на местности. Керосиновые лампы указывают на существование нефтепромышленности. Нефтепромышленность в России память связывает с именем Нобеля, который этот самый динамит и изобрел. Причем военные с этим веществом, кажется, не связывались. Его применяли при прокладке тоннелей. Не исключено, что сейчас цилиндрические шашки хорошей разрушительной силы можно просто купить в магазине.

Для тех мин, что я задумал, вряд ли я найду что-то лучшее.

Третий вечер в трактире прошел... Ладно. Изложу по порядку. Сначала просто получилась накладка. Я доводил до ума свои любимые отбивные по-бархотному, когда группа молодых людей в путейских мундирах заглянула к нам на голосок Варвары, выводившей «Он говорил мне: будь ты моею». Парни оказались выдержанные, малопьющие, но изголовавшиеся по простой домашней еде.

Пришедшая вслед за ними купеческая компания, не дожидаясь особого приглашения, сдвинула столы и потребовала «как обычно». Потом заявили «графья», причем не одни, а с довеском из еще одной пары, при виде которой Макар просто позеленел от огорчения. Я с ужасом подумал, что только «голубков» – любителей чая нам и не хватает, а они тут как тут. Да снова не одни, а с компанией. Но все было еще более-менее приемлемо до тех пор, пока не прозвучал припев ко второй «пиратской»:

Пей, пей, пей, пей,
Пей до потери сознания,
Пей до тех пор, пока видишь друзей,
Пей, пей, пей.

После этого хмельное полилось рекой, а кухонная плита стала напоминать пылающий мартен. Макар буквально порхал между столами, а я еле успевал нарезать, мять, переворачивать. Как ни странно, никто не перебрал и не передрался. Разошлись все дружно, словно сговорились. Я вышел на крыльцо отдышаться и с удивлением услышал, как одна из компаний, удаляясь куда-то вдоль реки, распевает:

Помнишь, Акулька, мгновенье?
Чистил я скотский сара-ай,
Ты мне на лапоть ступила,
Будто совсем невзначай.

Я тебя сдуру лопатой
Крепко огрел по спине,
Ты крикнула «черт полосатый!»
И улыбнулась мне.

Кажется, следующего вечера нам не пережить. Я весь мокрый, как мышь.

* * *

События дня на этом не закончились. Макар устроил Иго-

рю выволочку за плохую оценку по математике.

– Папенька мне наказал вас, оболтусов, выучить и в люди вывести! Шкуру спущу! – примерно такая аргументация с легкими вариациями. И нелегкими.

После этого мы уселись разбираться с задачками, из-за которых разгорелся скандал. Знаете, ничего страшного. Против нашей советской школы по части математики гимназия девятнадцатого века все же попроще будет. Правда, с переводом фунтов в пуды я слегка затруднился, но ничего страшного. Все у нас получилось. Единственное, что мне не понравилось, это задумчивый взгляд Варюнделя, обращенный в мою сторону.

Девка нынче в страшном возрасте, а я, хоть и немолод, но и далеко еще не древняя развалина. Как бы не случилось в этой чернявой головушке обычной девичьей глупости!

* * *

Спускаюсь я себе со второго этажа и вижу господина в непонятном мундире с незнакомыми знаками различия, пьющего кофий. Макар в его присутствии держится с некоторым подобострастием, хотя на городского или жандарма гость не похож.

– Петр Семенович? – мужчина встает и церемонно мне кивает. Это, видимо, остатки обычая раскланиваться при встрече еще не до конца выветрились из обихода.

Осталось ответить тем же и подтвердить, что это действительно я.

– Имею честь руководить здешней мужской гимназией и предложить вам, милостивый государь, место преподавателя математических дисциплин. – А господин, видать, совсем заждался, если с первого же мгновения берет быка за рога. Или меня за здесь, как сказали бы в наше время.

Ну да не в том дело. У меня ведь никаких документов нет, кроме седины в бороде, которая не позволит сильно исказить возраст. В остальном же я – личность абсолютно неопределенная. А уж засвидетельствовать получение мною какого-либо образования вообще немыслимо. Тем не менее говорить об этом напрямую не стоит. Я вообще не представляю, как в эту эпоху удостоверяли личность или гражданское состояние. Короче – застали меня врасплох. И как выкрутиться?

– Знаете, э-э?..

– Илья Николаевич. – Отлично, имя, как у отца Ленина. Не спутаю.

– Очень приятно, Илья Николаевич. Так вот, сам я, как вы понимаете, учился давно, а с тех пор в программе преподавания могли произойти изменения...

– Не извольте беспокоиться, – мой собеседник достает из портфеля папку и подает мне. – Тут полный перечень требований.

Сразил. Ничего не скажешь. Никак не ожидал подобного

напора.

Разумеется, я сразу и пролистал эти преимущественно рукописные страницы, продираясь через яти. Да ничего страшного, эту элементарщину я помню отлично, потому что практически всем пользовался на работе. Я ведь инженер в области приборостроения, причем занят был разработками. Считай – хлеб мой насущный. Математика это не физика, где неосторожным словом можно учинить революцию.

– Что же, Илья Николаевич. Ничего сложного в этом нет, – сказал, и молчу. Не хочу делать ход. Нарочно строю разговор так, чтобы мне предлагали, а я выбирал.

– В таком случае вот расписание уроков и вспоможествование. Завтра утром Варенька покажет вам, куда идти.

Деньги не в конверте. Прямо бумажками лежат на столе и... а-а... А нечего щелкать клювом. Собеседник-то мой уже тью-тью. Это, выходит, взял он меня за... не дал времени отказать. Странное, однако, время. И люди в нем странные. Не такие, как у нас.

Смотрю на Макара.

– Так, дядя Петя! Замучился уже господин директор учителя на это место искать. А Варьке он доверяет. Она – не то, что Игореха-оболтус.

Хозяева, и старший и младшие, уже давно меня зовут дядей Петей. С позавчера еще. А мне не жалко. Только вот что делать? К новому повороту судьбы я совершенно не готов. Так и стою в нерешительности.

— К Ефиму ступайте. Вправо по улице пятый дом. Он к утру сошьет мундир-то. — Макар говорит убежденно, ни в малейшей степени не сомневаясь в том, что мне следует немедленно принять предложение и приступить к преподаванию. — Только не съезжайте от нас. Хорошо? А в трактире я управлюсь, мне все равно придется половых нанимать на вторую половину дня. И без отдельного повара уже никак не управиться.

А сам довольнехонек. Эх, знала бы молодежь, как легко читаются на юных лицах все их мысли!

* * *

Ефим — портной, живущий по соседству, пока снимал мерки, выложил мне про приютившее меня семейство всю подноготную. Он дружен был с родителями молодых людей и все сокрушался, что погибли они о прошлом лете. А вот отчего — не помянул. Да я и не спрашивал. Если человека не перебивать вопросами, он больше выложит.

Так вот. Столяром был отец семейства, и мастерская его на всю округу считалась первейшей. Большую деньгу зарабатывал и старшего сына успел и в гимназии выучить, и в Санкт-Петербург на учебу послать. Да вот прибрал их господь с супругою, и пришлось Макару ворочаться домой, чтобы поднимать на ноги брата и сестру. Двойняшки они. Подмастерья после смерти хозяина всяк сам свое дело открыли,

потому что дело это разумели куда как лучше наследников. Однако проведывают и помогают, чем могут.

Денег в наследство оставалось не особенно много, вот и затеял старший из сынов трактир, да только не ладилось у него, пока не пришел человек да удачу не принес. А посему не извольте беспокоиться, к утру к семи часам мундирчик будет в лучшем виде. И всегда заходите, вам тут рады.

Это я нарочно вкратце пересказываю, чтобы не особенно утомить дословным изложением цветистой и прочувствованной речи.

Остаток дня я провел в городской библиотеке. Готовился к занятиям, освежая в памяти формулировки и цепи рассуждений. А что вы думали? Просто так пришел и научил? Нет, каждый урок – это маленький спектакль. Опытные педагоги свою роль заучивают годами, а я отродясь к доске не выходил ни за чем, кроме как отвечать урок. Да и давно это было.

Правда, вечером, нарядившись в костюм полового, участвовал и в приеме посетителей. Свободных мест в зале в этот раз совсем не было. Повезло мне, что мое прибытие совпало с моментом, когда клиентура сюда потянулась. Суеверный народ нынче – хозяева связали появление странного путника (меня) с приходом удачи в их заведение. Ну да не я им судья.

Глава 3

Сила зависит от позы

Преподаватели оказались людьми разными и с виду доброжелательными. Правда, длинные подолы женских платьев опять вызвали во мне глухое разочарование – глаз невольно «достраивал» сокрытое, и это отвлекало больше, чем привычный вид ножек и, хм, того, что обычно обтягивается брюками. Почему в мужской гимназии преподают женщины? Так нет их там среди педагогов. Беда в том, что мне пришлось вести занятия в обоих по местным меркам самых элитных учебных заведениях – и в мужском, и в женском. Обучением девочек занимались преимущественно дамы.

Дети строго соблюдали правила ношения обязательной формы, но более – решительно ничего. Не соблюдали. То есть от современных нам малолетних сорванцов отличались принципиально. Разве что отсутствовала показная дерзость. Войдя в класс, я поначалу искал глазами пучок розог на преподавательском столе, да только ни разу ничего подобного нигде не обнаружил. Думал, что подобное – следствие нерадения технического персонала гимназии. Впрочем, когда пришел случай применить физическое воздействие, я просто взял нахала за ухо и выбросил в коридор, наказав вернуться с родителями. Осерчал, понимаешь, забылся, ну и по-

нашенски, по рабоче-крестьянски поступил.

Обидно, что потом пришлось устраивать головомойку его папеньке. Он в местной управе не последний человек, причем – заслуженно уважаемый. А тут ему пришлось извиняться за чадое свое великовозрастное, прогневавшее учителя дерзким ответом – шестнадцать лет сыну. Крепко мы поговорили тогда втроем. Самого-то гимназиста я вообще довел до слез, объясняя, сколь печальна участь неуча и разгильдяя в мире, где на протяжении одного поколения жизнь меняется до полной неузнаваемости, а науки правят ходом бытия... по воле Божией. Не знаю, достучался ли? Человека в таком возрасте одним разговором не переделаешь. Но внешне вроде получше стал себя парнишка вести. Не только на моих уроках.

Ну а больше до подобного не доходило. Так, дашь иной раз ласкового подзатыльника шалуну или замечтаешься кто вместо того, чтобы решать пропорцию. Основная проблема традиционной гимназии, на мой взгляд, ничем не отличается от проблемы любой школы – неравенство уровня развития и заинтересованности учащихся в конечном результате. Словом, мучился я, как все. Одним приходилось втолковывать простейший прием семью разными способами, других, кто сильно подзапустил учебу и просто не был готов к восприятию нового, заставлял сдавать мне целые разделы старого материала, грозя оставить на второй год.

Я ведь, хоть и не охотник до руководящей работы, но под-

чиненные у меня были всегда. В наше время немного в одиночку спроектируешь. Где-то программиста нужно запрячь, где-то конструктора-железячника. Да перечислишь ли все специализации, потребные для воплощения задумки в действующее устройство? И всем втолкуй, всех убеди, за каждым проверь! То есть – ситуация в принципе знакомая. Только «материал» чуток мягче и куда как хуже подготовлен. Зато – задачи их надо научить решать стандартные.

После случая с великовозрастным шалуном коллеги мои – учителя – словно разбились на несколько лагерей. Одни вообще здороваться перестали, другие, наоборот, сделались приторно любезными и принялись приставать с вопросами о том, откуда я родом да где учился. Накликал, в общем, я хлопот на свою голову. Объяснил, что из Петропавловска-Камчатского приехал, но по дороге в Татарском проливе у меня штормом унесло все сбережения и документы. Вот я и устроился на тихом месте, пока идет переписка с канцеляриями. Путь для писем через всю Сибирь-матушку нынче не близкий, так что не приходится рассчитывать на скорое улаживание вопросов.

По поводу рукоприкладства пришлось выслушать и увещевание от лица сочувствующего:

– Высочайшим повелением уже дюжину лет как в гимназиях телесные наказания отменены, да-с, – просветил меня преподаватель естественных наук. – Так что вы, голубчик мой, для этих, что вас чураются нынче – сущая анафема.

Мыслимо ли – предерзко и прилюдно исполнением государственного указа манкируете! Ретроград-с и карбонарий одновременно, изволите ли видеть.

Однако официальных последствий это происшествие не имело. Ни пострадавшая сторона, ни администрация никак себя не проявили, а спустили дело на тормозах. Видать, у каждого нашлись свои резоны.

Забегая вперед, скажу, что после весенних испытаний по моим предметам на второй год не оставили никого. Мне про гимназию много толковать неинтересно – я просто исполнял там взятые на себя обязательства, но душа моя в это время устремлена была на иное. Я лучше поведаю про свою затею – она, начиная с этого момента, полностью поглощала все мое внимание. Намерение построить подводную лодку целиком занимало помыслы и устремления.

Итак, задумано ныряющее судно с минимальным поперечным сечением и острыми обводами, приводимое в движение мускульной силой одного человека. С чего, как вы думаете, я начал? Естественно, с двигателя. Ну, да все по порядку.

* * *

Во дворе трактира, кроме бани, туалета и штабеля березовых бревен под навесом, располагалась просторная столлярная мастерская, никем нынче не занятая. Верстаки, ин-

струменты и запасы хорошего пиломатериала со дня смерти бывшего хозяина покрывались слоем пыли. Пользоваться всем этим Макар разрешил мне без колебаний и даже с видимым удовольствием. Подумалось, что выросший рядом с местом, где постоянно колготились работники, парень испытывал дискомфорт при виде постоянно запертой двери и оттого, что теперь здесь тихо и безлюдно. Так что к делу я приступил в комфортных условиях при обилии разнообразных возможностей, которые помяну не единым списком, а по мере изложения событий.

Итак, готовый двигатель для самой совершенной на этот момент подводной лодки в моем распоряжении имелся – я сам. Что можно сказать о его техническом состоянии? Не новый, прошедший не только первичную обкатку, но даже имеющий умеренный износ. Шучу. Я долговяз, жилист, силушки у меня в обычную мужскую меру – то есть сорокакилограммовый мешок поднимаю легко, а пятидесятикилограммовый – не люблю. Сейчас, вынужденно бросив курить, испытываю некоторый дискомфорт от легкого избытка энергии. Трусцой способен пробежать с километр, пожалуй.

Как говорится, что есть, то есть. И вот теперь данный механизм необходимо закрепить в корпусе корабля и снабдить трансмиссией. Попросту говоря, я начал с лежанки. Не стоит сбрасывать со счетов соображение, что находиться на ней мне придется многие часы, причем как в состоянии покоя, так и интенсивно трудясь физически. Потее, естественно.

Поэтому разместил подставки только в тех местах, на которые действительно приходится опора, а остальные участки тела оставил свободными для циркуляции воздуха. Испытал несколько положений, чтобы можно было передохнуть, расслабившись и немного поменяв позу. Говорят, подводникам нередко приходится подолгу выжидать.

В первом приближении ложемент получился вполне сносно. Кому знаком термин «анатомическое кресло», поймет. Зачем я так над собой изгалялся, а не сделал простую чуть наклонную лежанку с «переломом» в районе попы? А потому, что прекрасно помню об отводе тепла, которого, несомненно, произведу избыточное количество. Форточки-то для проветривания в подводных лодках обычно не устраивают.

Затем началась работа над педалями. Крутящиеся меня сразу не устроили, потому что требуют трансмиссии в виде цепи или вала с редуктором, что мне совершенно не подходит – и взять неоткуда, и в тесном, как я планирую, пространстве цепь от них неудобно прокладывать через то самое место, где как раз собираюсь находиться я. Поэтому от каждой педали протянул назад по длинной рейке, каждую из которых, следуя технической терминологии, необходимо называть шатуном, потому что задние их концы крепятся шарнирно к коленам коленчатого вала, кои иногда ласково именуют шейками.

Это знакомая всем конструкция педального привода

швейной машинки, только с очень длинными рычагами. Чтобы вы не поняли меня неправильно, добавлю – вал этот согнули в кузнице из обычного стального прутка, а крепления задних концов... опять тороплюсь. Сначала – о передних. Тяги ведь потребовалось расположить с наружных сторон от пластин, на которые нажимала нога, и шкворень, через который я произвел соединение педалей с корпусом, противно визжал, перекашивал и раскалывал древесину. Закончилось это, когда к самим тягам я приделал опоры, как на ходулях, а собственно крепление педали к этой опоре выполнил веревочкой. Силовой нагрузки оно не несло и всего-навсего не давало одному отделяться от другого.

Подобным мелочам я уделял колоссальное внимание, некоторые места переделывал многократно. Читывал когда-то воспоминания подводников и целиком и полностью разделяю их мнение насчет того, что любая заклепка может оказаться ценою в жизнь. Да, я не планирую погружаться глубже двадцати метров, но это две атмосферы избыточного давления снаружи при невозможности изменить положение тела внутри. Поэтому, собирая узлы внутри деревянного каркаса, проверял их все по очереди, элемент за элементом. Скажем, хорошенько поработав ногами, я закрепил педали сверху, вынеся подвесы чуть вперед. Так удобней. Опоры для пяток, небольшие изменения в конструкции ложементов. Шаг вперед – два шага назад.

Любопытная Варвара не раз заглядывала ко мне, и братья

ее не отказывались помочь. Я невольно любопытствовал, почему у них при этом такой довольный вид, но внятного ответа не добился. Соседский Васька, что часто крутился под ногами, не кот, а мальчишка, просветил. Оказывается, меня принимают за чудака-ученого и полагают правильным всячески споспешествовать моим начинаниям. Не иначе – начитались Жюль Верна. Паганель, там, кузен Бенедикт... не помню всех описанных этим автором персонажей подобного рода, а тем более времени, когда читательская аудитория с ними познакомилась, но вот поди ж ты – полюбились они моим нынешним современникам.

Время от времени у меня и песни намурлыкивались – всплывали из памяти между делом. Подходящие я потом «сдавал» Варваре и Игорьку. Наивные, наивные дети! До сих пор верят, что народ ходит в трактир, чтобы их послушать. Ну, да не мое дело чужие крылышки подпаливать. Мне необходимо передать вращение с поперечной оси на продольную, или, говоря простым языком, согнуть вращающееся тело под прямым углом. На ум пришли гибкие валы, но, скорее всего, их нынче еще нет. Хотя кусок стального троса... но мне его просто некуда приладить. Мой коленчатый вал расположен поперек, и концы его отстоят друг от друга почти на полметра, упираясь в пока воображаемые борта. Если хотя бы один из них нарастить тросом, то придется раздвигать стенки корпуса, что приведет к увеличению сечения и росту лобового сопротивления. Не забывайте – в конструкции маленького

кораблика все взаимозависимо.

Самые распространенные трансмиссии этого периода на-верняка клиноремные. Способ поворота оси вращения для них давно известен, но в корпус подводного корабля за-просто может попасть влага, отчего ремень непременно раз-мокнет. Или, если он прорезинен, начнет скользить. Хотя так, хоть этак, но не годятся здесь решения, связанные с неопределенностями. Привод винта – ответственнейшее ме-сто. Остаться без хода потому, что не домыслил при констру-ировании – подобная перспектива пугает меня не на шутку.

Вообще-то, на мой непросвещенный взгляд, для превра-щения мышечной энергии в движение в водной среде ниче-го лучше весла так и не придумано. Для надводного судна, но не для подводного, где в положение для начала гребка ло-пасть возвращается в той же самой плотной водной среде, в которой и работает. Тут надо применять повороты лопасти при «замахе» или иные хитрости. Маетно, сложно и вообще – затренируешься придумывать всякие герметичные шарни-ры. Опять же гребцу потребуется куча места для этого са-мого замаха и следующего за ним рабочего движения корпу-сом, и тогда ни о каком минимальном поперечном сечении судна речи уже вести не придется.

Так что винт – и никаких гвоздей. Про это устройство по-говаривают, что оно имеет самый высокий коэффициент по-лезного действия из всех широкораспространенных судовых движителей. Так вот, как же мне повернуть ось вращения?

Пошел я в железнодорожные мастерские потому, что лучше пары конических шестерней для этой цели решительно ничего не знаю. Где же еще их искать, как не в местах ремонта механизмов?

Знаете, мундир все-таки – замечательная вещь. И отношение к господину учителю повсюду внимательное. Потолковали мы с одним инженером на многие темы. Оказалось, что вовсе нетрудно приобрести здесь манометр, заказать токарные детали и даже толстостенные трубы с фланцами в некотором ассортименте имеются – с паровозными цилиндрами и паропроводами тут дело имеют регулярно и не затрудняются со многими видами сочленения, работающими при давлениях до пары десятков атмосфер. А вот шестерней конических не держат-с. И нарезать не могут-с.

А где могут? В Москве возможно. Или в Санкт-Петербурге.

Да. Неладное дело. На обратном пути заглянул я в скобяную лавку – это, если кто не сообразил, нынешнее название хозяйственного магазина. Хотел выяснить насчет возможности приобретения битума и бензина. А тут гляжу – дрель. И что мне еще нужно? Я же именно ее и разыскиваю!

Купил две.

* * *

Моя подводная лодка постепенно формировалась на под-

весах и подпорках. Ее содержимое деталь за деталью находило свое место в пространстве, и я тщательно отлаживал взаимодействие простейших с виду устройств. После прилаживания двух деревянных четырехлопастных винтов (два пропеллера накрест) пару-тройку часов поработал педалями, проверяя работу «машины». Внес несколько поправок и научился «ловить» ногами направление вращения главного вала и, соответственно, движения будущего судна. Что же, без сопротивления воды все работало легко и даже некоторое время крутилось по инерции, хотя валы я уже провел сквозь неподвижно закрепленные трубы, набитые смазкой. За сиденьем установил пятидесятилитровую емкость высокого давления. И занялся рулями. Прежде всего – управление по вертикали. Хотя сами эти рули называются горизонтальными, потому что представляют собой горизонтально расположенные пластины, поворачивающиеся вокруг горизонтальной же оси.

Так вот, я их сразу сбалансировал так, чтобы площади поверхности до и после этой оси оказались равными. При использовании такого приема почти не требуется усилия для удержания достигнутого отклонения. От повреждений защитил их внешним каркасом наподобие крыла, причем старался не выйти за планируемый поперечный размер середины корпуса. Угадывал в зону носового и кормового сужений.

В результате две горизонтальные продольные балки заняли свои постоянные места снаружи будущего корпуса. То

есть начали, пусть пока и мысленно, формироваться обводы моей субмарины.

Каждая пара рулей – передняя и задняя – сидела на общей оси и синхронно поворачивалась отдельным рычагом. Оба их я расположил под правой рукой так, что мог одним движением переместить и тот, и другой. Левую руку – последнюю незадействованную конечность – следовало использовать для поворота судна в горизонтальной плоскости. И это мне ужасно не нравилось. Нельзя оставлять себя в положении полной связанности. Чем-то ведь еще придется управлять. Вооружениями, например. Да и с подачей воздуха для дыхания время от времени надо разбираться. Я не уверен, что сумею создать аппарат, аналогичный аквалангу. Вот не знаю я в точности, как устроен пресловутый редуктор, придуманный Кусто, хоть режьте меня. А заниматься его разработкой – совсем не к месту это и не ко времени. Надо что-то попроще придумать, поконсервативней. То есть – управлять дыхательным оборудованием придется вручную, для чего и понадобится мне незанятая постоянной работой рука.

* * *

Вот так и встретился я с затруднением, к которому был не готов. Мысль о том, что одному человеку просто может не хватить рук для управления относительно несложным кораблишкой, не приходила мне в голову. Тут нужно хоро-

шенько обо всем рассудить.

Пару дней я не заходил в мастерскую. Бродил по городу после окончания занятий в гимназии, раскланивался со встречными – теперь знакомые попадались буквально через одного. Газеты почитал. Не люблю я всякие средства массовой информации, но уж очень надо было отвлечь голову от напряженной работы в столь непростом направлении. То есть требовалась некоторая отчужденность хода размышлений.

Любопытно, однако! Кроме ожидаемых вестей о всяких безобразиях, творящихся нынче на Балканах, немало сообщений поступало из Средней Азии. Русские войска там нынче весьма интенсивно занимали новые территории и расправлялись как с угрозами набегов на юг Сибири, так и с теми, кто эти угрозы создает. Словом, страна расширялась.

С точки зрения человека двадцать первого века, пропитанного идеями демократии и гуманизма, я понимаю, что наши сейчас осуществляют агрессию с целью аннексии, то есть, какие бы обоснования ни выдвигались, а захват чужой территории налицо. Да вот только в душе от этого не возмущение вскипает, а радость. За своих. Так вот воспитали меня в советское время. И потом, хоть и прокапали мозги сперва плюрализмом, а потом и гуманизмом, укусив заодно общечеловеческими ценностями, но осталось, видать, в душе что-то древнее, исконное.

Неволью вспомнилась строчка: «И людей долго будем де-

лить на своих и врагов». Напою вечером Варьке.

Так вот, оказывается, русское воинство там, на просторах Туркестана, применяет ракетное оружие. Ведь читывал я о чем-то подобном в технических журналах! Выходит, системы залпового огня придумали задолго до «Катюш». Или не залпового? По газетной заметке вечно ничего не разберешь.

* * *

Как ни майся сомнениями, но привод руля поворота тоже нужно выносить на правую руку. На рычаг заднего руля глупбины. А единственная оставшаяся у него степень свободы – влево, потому что справа будет мешать стенка кабины. Поскольку ворочать этот рычаг нужно в обе стороны, значит, нейтраль оказывается при наклонном его положении. Положении, при котором ни залезть внутрь, ни покинуть судно решительно невозможно. Вот и первое ограничение – сначала переложить руль на борт (буквально), а уж потом залезай-вылезай.

Естественно, тяга, получившая второе назначение, стала толще и начала вращаться вокруг продольной оси. Ну а для организации разведения управляющих усилий по разным устройствам мне пришлось испытать еще три варианта конструкции этого узла. Вполовину проще оказалась переделка привода переднего руля, ведь и его рычаг должен был отклоняться внутрь, чтобы оставаться в той же рулящей

правой руке. Прямо аналог самолетной ручки.

Вертикальное перо я идеально балансировать не стал в расчете на то, чтобы сохранить некоторое стремление к его выпрямлению, если отпустишь. Мне просто так привычней, если экипаж имеет тенденцию выравнивать движение при отпускании управления.

Ну вот, ходовая часть готова. И я снова принялся за проверки и испытания. А ничего так, нигде не спотыкается. Значит, пришла пора созидать каркас.

Собственно, полуторадьюмовые доски – это и каркас, и обшивка – и продольные и поперечные элементы я поставил плотно, образуя два перпендикулярных сплошных слоя. Как же мне при этом не хватало саморезов! Или хотя бы шурупов! Гвозди ведь могут и вылезти, если изменится направление нагрузки, а строил я герметичный корабль, внутри которого теоретически возможно придется создавать избыточное давление.

В общем, придумал, как вывернуться. Купил толстой медной проволоки и выполнил соединения согнутыми из нее скобками, просверливая тонкие сквозные отверстия и загибая внутренние концы. Почему не гвозди, спросите? Те, кто разбирает сооружения, возведенные с их использованием и последующим загибом, не дадут соврать – обратно такое потом собирается очень плохо. А меня крайне интересовала возможность последующей переделки, ибо ничего не получается сразу и навсегда.

Этими же скобками я и сами доски сшил между собой, стараясь приблизить свойства внешней поверхности к сопротивляемости сплошного листа. Не пожалел трудов. Особенно много возни было с палубой. Мне тут требовались съемные щиты, чтобы можно было добраться до любого места, потому их я закрепил болтами сквозь отверстия в бимсах – могучих и прочных. Не было у меня никаких причин экономить на массе сооружения, которому следует погружаться. Мне его в любом случае предстоит загружать балластом так, чтобы кромки бортов только самую малость выглядывали из воды – иначе не загоню я свое детище в царство Нептуна.

Внешне получилось более-менее прилично: плавно сбегаящиеся к носу вертикальные борта крепились к остро заточенным вертикальным штевням – переднему и заднему. Палуба и днище – плоские. Два винта крутятся в противоположные стороны по обе стороны сужения кормы и не выходят за пределы наибольшей ширины судна. Перо руля выступает за корму. Оба конца его оси я тоже закрепил, уперев в торчащие назад консоли продольных брусьев. У меня тут сложно получилось, потому что, не будучи ни в чем уверенным (ну не прочнист), я еще и задние концы валов упер в поперечину, соединяющую окончания рамы, обрамляющей задние рули глубины.

Поймите меня правильно. Изо всех сил стараясь уменьшить сечение, я настолько заузил и обнизил корпус, что в

корме образовалась невыносимая теснота. Чтобы, не приведи господи, лопасти винтов не задели руля, я их снабдил кольцевыми туннелями – отрезали мне в мастерских два кус-ка трубы и даже кромки заточили. Как раз каждое в трех точках удобно крепилось.

Скажете – дополнительное сопротивление? Плачу вместе с вами. Но надежность все же волновала меня сильнее, чем скорость.

Разумеется, ограниченность в средствах сказывалась как на выборе материалов, так и на конструкторских решениях. Во всем мире подводные лодки строят только из металла. Но скромная зарплата учителя гимназии не позволяет использовать одни только сплошные классические подходы – приходится изворачиваться с использованием подручных материалов, коих в столярной мастерской имеется довольно разных видов. Тем более что самые затратные дела все еще впереди. И, как вы уже догадались, это горловина люка. Она же – основание прозрачного фонаря.

Плоское кольцо с круговой канавкой отлили из меди. Проблема была в размере – нужен был такой, чтобы я в него пролезал, пусть и свернув плечи – но это тоже немало. А еще требовалась ответная деталь, правда уже без желобка, зато с выступами вверх, к которым я смогу прикрепить детали собственно фонаря.

Где я нашел уплотняющую прокладку? Взял прорезиненный тканый ремень от клиноременной передачи. Нашелся

подходящий вариант все в тех же железнодорожных мастерских. Узкий и толстый. Под него мы все размеры и прикидывали.

Фонарь я сделал из четырех стекол. Три трапециевидных – вперед и в бока, и одно прямоугольное сверху. Сзади все равно стоит шарнир люка – он большой, и сквозь него ничего не разглядишь. Стекла эти я посадил на прочную деревянную раму, отчего в моем распоряжении остались скромного размера овальные окошки. Сам же люк после закрытия приходилось крепить струбцинами. Я сразу рассчитывал на них, так что с размерами не прогадал, и все сошлось нормально.

Естественно, проникнуть в лодку получалось одним-единственным способом, и после этого менять положение тела было уже решительно невозможно. Мое творение облегло меня, словно фрак, пошитый у хорошего портного. Длина, правда, получилась чуть больше, чем хотелось – не уложился я в четыре метра, потому что баки для приема балласта при погружении потребовали своего. Мне их склепали из котельного железа, когда уже «проявились» истинно нужные размеры и форма. Три трубы из каждого из них шли в «рубку» – то есть под левую руку. Одна – широкая, идущая от нижней части бака по самому днищу лодки – на выпуск воды или выпуск ее при продувке. Вообще-то по классике этот путь, кажется, оставляют всегда открытым. Но я решил подстраховаться и поставил краны. Вторая пара труб предназначалась для воздуха, чтобы он выходил за борт, вытесняе-

мый водой при заполнении цистерны. Третья пара труб служила для продувки цистерны воздухом из резервуара, расположенного за спинкой. Еще один баллон — для дыхания, покоился под лежанкой. Имелась и возможность переключить каждый из баллонов хоть туда, хоть сюда. Как-то не ожидал я, что столь великое хозяйство окажется потребным для управления плавучестью, казалось бы, невеликого сооружения.

Должен признаться, что разработанные для локомотивных паропроводов краны были, на мой взгляд, излишне громоздкими в созданной моими же стараниями тесноте. Они, даже после того, как я их несколько раз переставил, выбирая правильное положение, не прощали ни одного неверного движения, наказывая как локоть, так и иные участки руки синяками и ссадинами.

Как я собирался дышать в этой тесноте? Глубоко и ритмично. Не забывайте, что я не просто рулевой, а еще и двигатель. Так что воздуха потреблять обязан много. Его-то, этот воздух, мне придется регулярно напускать в закрепленный на груди мех, откуда вдыхать ртом через загубник. Вырезал я эту «соску» из липы и хорошенько пропитал растительным маслом.

Лодку я тоже пропитал, но не маслом, а битумом, растворенным в бензине. Его (бензин) сейчас, правда, называют газолином, но мы с хозяином скобяной лавки поняли друг друга правильно, он и привез. Так вот, этот подогретый и слегка

разжиженный бензином битум очень хорошо прилипает, если незадолго перед этим древесину «покрасить» керосином.

Что еще хочу отметить – гости в мою мастерскую ходили как к себе домой. Совершенно незнакомые люди с невообразимыми вопросами. Я им был всегда ужасно рад и каждый раз обязательно заставлял что-нибудь подержать или потянуть, или поскоблить... за делом и разговор шел веселей. Короче, про то, что учитель математики строит ныряющую лодку, в городе знали решительно все. И мне кажется, чувствовали свою к этому причастность. Одни чокнутым считали, другие ученым, но, когда что-либо приходилось покупать или заказывать у какого-то мастера, то либо цену скидывали до чисто символического размера, либо вообще отдавали даром.

Говорил ведь уже, что люди в этом времени совершенно не такие, как у нас в двадцать первом веке.

Глава 4

Огонь, вода и...

Три стихии никогда не утомляют взора наблюдателя. Огонь, вода и как другие работают. Посетителей в своей мастерской я мог застать решительно в любое время. Даже вернувшись из гимназии после занятий, нередко обнаруживал хорошо одетого господина или простецкого вида мужика, разглядывающего мою «диловину». Случались и целые группы с дамами – женщины высоких сословий без сопровождения «не выходили», а любопытством мужчинам не уступали.

Я подсказал Макару накрыть скатертями пару незадействованных верстаков и поставить самовар. Так постепенно в мастерской стало образовываться что-то вроде клуба. Желающим поучаствовать в творческом процессе подавались кожаные фартуки, а остальным – плюшки и сладости. Развешанные по стенам эскизы тоже собирали рядом с собой людей, любивших помолоть языком. Так что хозяйева мои внакладе не оставались.

Провинция. Развлечений мало. Напрягало ли это меня? Знаете, по-разному бывало. Иной раз кто-то от широкой души и тугой мошны производил существенное пожертвование на развитие подводного плавания. Иной объяснял мне, отчего я непременно задохнусь, если осмелюсь погрузиться

в пучину вод. Были и дельные советы, и реальная помощь. И рассуждения, вот такого рода:

– Так вы ныряющую лодку строите? А что ж... Изрядно. Читал о подобных экзерсисах у британцев, вот и у нас в России сподобился повидать. Только вы, голубчик мой, ежели на выгоды от коммерции расположены, сделали б ее двухместной. Это, значит, чтоб барышню с собой на эдакий променад можно было взять. Впрочем, и одноместные такие лодки, я уверен, у многих людей из света вызовут живейший интерес. Конные-то прогулки нынче не особо в моде, а вот, положим, подводная поездка – это будет интересно. Оно, опять же, и для моциону полезно – педали ваши очень притоку крови к икроножной мускулатуре способствуют.

Однако наибольшей пользой ото всего, несомненно, являлась возросшая посещаемость трактира и повеселевший взгляд его хозяина.

Как вы понимаете, я продолжал пользоваться полным пансионом, изредка вспоминал песни для репертуара Вари и Игоря или рецепты блюд моего времени. Шашлыки, беляши – они нынче не вошли еще в широкий обиход, но, скажем, те же чебуреки с удовольствием поедали бурлаки – пища сытная и примерно сутки не портится. Посылал Макар полового с лотком и к пристани, и на берег, где теплыми вечерами прогуливалась городская публика. Ну да. Я подсказал. Меня юные хозяева иначе как дядей Петей не звали и относились, как к родственнику. Случалось, и совета спрашивали.

Спокойной чередой прошли весенние месяцы, сделалось жарко, а там и занятия в гимназии завершились. Я подумал, что, так или иначе, лодка моя и поплывет, и нырнет, и даже вынырнет. Конечно, будут неполадки, но принципиальных ошибок в конструкцию я не внес. Оставалось обкатать ее как следует и продумать боевое применение. А вот тут-то без консультации со специалистом можно накосячить лишнего или так начудить... людей в военно-морской форме мне в городе не встречалось ни разу, и никто из знакомых не поминал, чтобы водил дружбу с флотскими офицерами.

Единственный человек – военный моряк, про которого я надежно знаю, что он живет в этом времени – это как раз Степан Осипович Макаров. В будущем – адмирал. Так что направил я сразу два письма. Одно в Санкт-Петербург, а второе в Севастополь. В качестве адреса написал полное имя и то, что человек, которому нужно вручить послание – офицер флота. Я бы и звание указал, да не помню. Знаю только, что чин его пока невелик, и широкой известностью в среде обывателей он не пользуется. А вот во флотской среде о нем могли слышать многие, поскольку что-то нужное он уже изобрел и даже имеет печатную работу о живучести кораблей.

Однако если кто помнит стишок, про заказное для Житкова, которое «это он, это он, ленинградский почтальон» заставил-таки побегать за адресатом вокруг всего света и, в конце концов, вручил кому следует, то поймет мою надежду на успех. Да, были люди, способные подойти к своему делу

творчески, с огоньком. На них и положился.

В письмах же просил ответить мне, указав точный адрес потому, что намереваюсь сообщить информацию, отправлять которую «на деревню дедушке» опасаясь.

* * *

Лодку на воду спустили в затоне, что левее по берегу от нашего переулка. Я попросил мужиков с пристани – их человек двадцать пришло: грузчики да бурлаки. Считай, на руках снесли. Ругались, правда, что хоть и маленькая посудинка, но тяжелая. Так это она у меня еще без балласта была и со снятыми палубными крышками.

А что вы хотели? Толщина бортов, почитай, семь сантиметров. Аналог двухслойной фанеры, где вместо шпона – доски-сороковки. Правда, не проклеенная, а прошитая медной проволокой. Да еще и усиленная каркасом из брусьев, особенно – мощными бимсами. А сколько железа в нее напихано?! И цистерны, и баллоны, и трубы.

В воду моя лодка осела глубоко, примерно до середины бортов. Аккурат до рулей глубины. Поскольку расчетный объем составлял два с половиной кубометра, то вес получается тонна с четвертью – столько вытеснено воды. И, чтобы погрузить это, понадобится еще около тонны балласта. По моим прикидкам где-то так и выходило.

Забредя в воду, я попробовал, как обстоят дела с ходко-

стью. Да ничего так. Толкать посудину со скоростью пешехода легко. Правда, это при половине лобового сопротивления, но прилагаемое усилие кажется ничтожным. С килограмм, если по ощущениям. Это на ровном ходу, не при разгоне.

Помощники как раз употребили внутрь плату за свою услугу и, благодушно закусывая, обменивались замечаниями в мой адрес. Когда я покачивал посудину с борта на борт, оценивая, не кувыркнется ли, если в нее залезть, подошли поближе, даже подержали, пока я устраивался. Хотя и без них получилось бы приемлемо. А потом я поставил ноги на педали, взялся за рычаги и стал кататься – верхние кромки винтов несколько выглядывали из воды и здорово брызгались, но это не штатное их положение, а временное состояние на период проведения данного вида испытания.

Постепенно привык и к своему тесному месту, и к реакции судна на руль. Приучился к малой высоте головы над водой, к оценке расстояний. Снова наловчился «ловить» ногами направление вращения винтов, переключаясь на задний ход. Кстати, кормой вперед лодка движется неохотно и управляется вяло. Но как-то маневрирует. Во всяком случае, аккуратно подойти к мосткам мне удалось. Корпус судна, даже небольшого, ведет себя иначе, чем колесный экипаж на твердой поверхности. Мне надо было привыкнуть к новым ощущениям и возможностям.

Следующий день ушел на балансировку кораблика. Я измерял высоту надводного борта в носу и в корме, добавлял

чугунных пластин железнодорожного происхождения и прикреплял их к днищу, внося поправку на изменение положения корпуса в зависимости от наличия пилота. Естественно, добавка веса палубы тоже принималась в расчет. Мне приходилось решать цепь головоломок, связанных с воображаемым заполнением балластных цистерн и прогнозом размера и знака получившейся при этом плавучести.

* * *

Ну вот, корабль полностью собран. Смонтирован люк-колпак. Проверена герметичность... внешним осмотром и обливанием водой. Эхе-хе. Многое выходит не по уму. Тем не менее – явных неполадок нет. И теперь – самое страшное. Накачка резервуаров сжатым воздухом. Ручным насосом.

Ох и пришлось мне потрудиться! Кто подкачивал автомобильную камеру, поймет. С поправкой, конечно, на то, что и объем надо было заполнить больший, и конечное давление мне требовалось заметно выше, чем в колесах. И, что обидно, помощники не рвутся помогать. Я уже блещу, понимаешь, потом, катящимся по обнаженному торсу, а они сидят за столиками и чаек потягивают. Да, клуб «У подводной лодки» переехал из мастерской на берег реки под плакучую иву рядом с мостками причала.

Хриплю от натуги, а господа чаек гоняют и рассуждают о беспредельности возможностей человеческого разума.

Уф-ф! На манометре уже три атмосферы. Пора брать другой насос с поршнем потоньше, а то тяжело уже дело идет.

Перекрываю кран – золотник золотником, но так надежней. Рожковым ключом отпускаю соединение трубки и креплю другую. Пока перевожу дух, подмечаю, что стрелка указателя давления вниз не ползет. Значит, герметичность хорошая.

– Позвольте помочь вам, Петр Семенович, – рядом со мной стоит рослый незнакомец в черном сюртуке с погонями. Роскошные усы. Первые признаки седины, намек на залысины.

Ух ты!

– Извольте, Степан Осипович! С превеликим удовольствием, – отдаю рукоятку насоса и сторонюсь, давая возможность занять удобную позицию. Сам не пойму, каким образом, но будущего адмирала Макарова я узнал сразу, хотя видел его на портрете, где он был запечатлен в заметно в более зрелом возрасте.

Тут тесновато. Палуба лодки узкая – один мерный шаг римского легионера, а место, где рядом со штуцером расположена упорная площадка – это вполне определенная точка. Принимаю сюртук – жарко ведь – и отхожу к столу промочить горло, а заодно глянуть, как работает человек-легенда.

Силен, крепок, молод. Седина и начавшие проявляться залысины делают его старше на вид. Будущий непоседливый адмирал и сейчас энергичен. Хорошо идет работа. Стрелка

манометра подтверждает это. Понемногу, но все время.

Так, чередуясь, мы управились буквально за пару часов, еще раз сменив насос. Пять атмосфер показались мне достаточным давлением.

* * *

– Итак, Петр Семенович, вы убеждены, что ваше судно сумеет погрузиться под воду.

– Ни секунды не сомневаюсь, Степан Осипович, – мы смотрим друг на друга и улыбаемся. Вероятно, незатронутый вопрос о всплытии пришел в головы к нам обоим и... возвращаться к нему мы не стали – зачем каркать?

Забавно чувствуешь себя, сидя за столом рядом с человеком, будущее которого тебе известно, вплоть до обстоятельств гибели. Я очень плохо знаю историю поступков правителей и интриг дипломатов. Даже войны интересовали меня в первую очередь, как примеры выдумки стратегов и тактиков, как случаи применения тех или иных технических решений или технологических достижений. И этот молодой мужчина, которому сейчас где-то около тридцати – один из тех, чье имя мне встречалось не раз на страницах, посвященных истории развития флота.

Даже тот неоспоримый факт, что моя осведомленность многократно превышает познания собеседника, ничего по существу не меняет. Рядом со мной воин, ученый, изобрета-

тель. Благоговею.

Не торопясь допиваю последний глоток.

– Благословите, Степан Осипович.

– Э-э! А поговорить?

– Господин, э-э... – не знаю я этих знаков различия.

– Лейтенант.

– Да. Лейтенант. – (Сам-то я тоже лейтенант, но старший. Заочной службы. О времена, о нравы!) – Что бы я вам ни поведал, это будет лишь звук. Давайте поглядим на то, что получилось. А то ведь, наверное, изучать разных прожектов вам довелось немало.

Вижу согласный кивок и заинтересованность во взгляде.

Я отставляю чашечку и шествую к своему порождению. Степан Осипович следует по пятам. Наблюдает мое «свертывание» при проникновении внутрь, прилаживание фонаря и загубника и отвязывает веревки. Хотите сказать: «Отдает швартовы?» Ваша воля. А я, что вижу, то пою. Моя педаль дави.

Катаюсь, делая неторопливые развороты. Кораблик здорово «присел» и не столь охотно разгоняется. Зато энергичнее тормозит. Вот и я притормаживаю, дав реверс винтами, как раз перед краем мостков, с которых за моими эволюциями следит будущий адмирал. До сего момента все было штатно. В пределах расчетного диапазона параметров.

Начинаю заполнение балластных цистерн. Впервые, кстати.

Открыты нижние клапаны. Креномер, дифферентометр и указатель глубины показывают нули. Субъективные ощущения – ничего не меняется. Близкая поверхность водной глади остается там же, где и была раньше.

Минута, две, три, достаточно. Осматриваю берег. Бурлаки и грузчики потрясают вожжами и машут мне продольно. «Не робей, барин, вытащим» – это так я «перевожу» для себя их жестикуляцию. Тут действительно неглубоко. По шею будет.

Начинаю стравливать воздух из тех же цистерн. Медленно, по чуть-чуть. Стараясь сохранять горизонтальное положение.

«Со смертью играю, смел и дерзок мой трюк».

«Нет, страха нет. Страх выугой сдуло».

Смеетесь? Да все продумано и рассчитано. Я просто минимизирую положительную плавучесть.

Первый раз в жизни.

Терпеть не могу адреналин! Спокойно. Дифферентометр обнулен. Вода перекатилась через палубу и лижет переднее и боковые стекла. Достаточно. Перекрываю все краны.

Минута, вторая, третья. Положение стабильно. Под стык обруча фонаря вода не сочится. Глубиномер дает минимальное отрицательное показание между нулем и половиной метра. Ну не обижаться же на городского часовщика, доработавшего серийный манометр по моим объяснениям!

Еще три минуты выдержки и наблюдений за приборами, попыток пощупать руками, не течет ли где. Шевелю рычаг

откачной помпы и слышу сухой свист – нет воды у днища. Манометры обоих баллонов замерли. Ничего не травит. Беру в рот загубник – пора переходить на дыхание запасенным воздухом. Надуваю мех. Все нормально.

Спаси и сохрани. Пронеси, Господи!

Осмотр берега. Ориентиры. Пedaли. Ход.

Километр в час. Рулями глубины держу горизонт. Минута, две, три. Циркуляция вправо, доворот влево. Курс прежний, но в обратном направлении. Мимо мостков с Макаровым.

Два километра в час. Держу горизонталь. Фонарь то всплывает, то заглубляется. Ход ровный, ритм держится легко. Господин лейтенант посматривает на часы, а они у него карманные – заметные издалика. Что-то черкает в блокноте, зыркая в мою сторону выпуклым морским глазом. В добрый путь. Прохожу на постоянной скорости. Циркуляция влево, доворот вправо. Три километра в час.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Семь... шибче не могу. С трудом выдерживаю трехминутную «дорожку».

Разворот. Теперь – жму изо всех сил. Семь с копейками.

Понял. Спешить на пяти. Ехать – на трех.

Мостки. Продул цистерны, чтобы всплыть, как следует. Причалил. Меня привязали и подождали, пока я разберусь

со струбцинами колпака. Поддержали под локоток, когда я выбирался из люка.

Чаю.

* * *

– Петр Семенович! Вы о минах Уайтхеда слышали?

Киваю.

– И как они вам?

Жду, когда утомонится сердце и успокоится дыхание. Понимаете, нет ничего проще, чем назвать отстоем то, лучше чего ты не раз видал. Самонаводящиеся, идущие десятки километров торпеды, обычные в наше время. Догоняющие кого угодно. Но делать их я не умею. Вы думаете, мой долг открыть этому человеку глаза на истинное положение вещей?

– Пока ничего лучшего не придумано.

– А о работах Александровского вам слыхивать не доводилось?

Отрицательно кручу головой. Сам-то, наверное, читал о чем-то, но разве память все удержит?!

И вообще, мне не до разговоров. Я отдыхаю и готовлюсь к первому погружению.

Я снова в лодке. Фонарь герметизирован. Плавучество минимальная – принял воду в цистерны так, чтобы одна только рубка-колпак оставалась над поверхностью. И пошел на трех километрах в час.

Рули на погружение. Нырнул. Глубина два метра. Светло, но вода мутная. Еле-еле угадывается нос в трех метрах впереди, остальное же – как в дымке. Надо мной серебрится поверхность воды, по которой пробегают солнечные блики. Все внимание сосредоточено на приборах. Компас, глубиномер, указатель дифферента. Тренируюсь удерживать лодку в горизонтальном положении. Это требует постоянного внимания и согласованной работы двумя рычагами одной рукой. Стараюсь действовать плавно, и это получается.

Мой кораблик сейчас ведет себя как самолет. Только вместо земного притяжения на него действует выталкивающая сила, а вместо крыльев работают рули глубины, загоняющие его под воду.

Двадцать минут «полета». Пройден километр. Разворот и еще двадцать минут хода. Добавляю еще пять в расчете на снос течением и прекращаю вращение винтов. Сближение с поверхностью идет медленно, но вскоре фонарь показывается над водой. Продуваю цистерны, чтобы всплыть, как следует.

Все идет нормально. Палуба уже сухая, а мостки моей пристани совсем даже недалеко. Домой. Как-то я нынче уж очень утомлен. А на берегу ликует клуб любителей подводного плавания. Едва зрители увидели показавшуюся над водой рубку, как тут же рекой полилось вино. Не иначе – шампанское. Я неспешно маневрирую, по-прежнему подпуская воздух в дыхательный мех из баллона. Пока не открыт колпак, дышать в тесном пространстве решительно нечем.

К причалу не подхожу. Задними рулями глубины притапливаю корму, а передними приподнимаю нос и со всех двух километров в час стремительным домкратом вылетаю на берег. Грузчики с бурлаками подхватывают судно и вытаскивают еще дальше, как мы и договаривались. Ругаются, что тяжело и что ухватиться решительно не за что, отчего безвозбранно получают по чарке. Уф-ф! Вымотался так, что ноги буквально подгибаются.

* * *

– Что же, Петр Семенович! Действительно, после показа целый ряд вопросов, возникших у меня поначалу, отпал. Выступайте отдыхать, голубчик! На вас просто лица нет, – Степан Осипович уже все понял.

На его глазах потаенное судно продержалось под водой сорок минут и прошло за это время как минимум более километра. Точнее сказать он не может. По моим прикидкам –

два.

Увы, скорость я оцениваю тоже манометром, подключенным к трубке Пито. Мне, постоянно и длительно занимавшемуся измерениями, нетрудно оценить точность приборов, которыми приходится пользоваться. С такими погрешностями их смело отнесли бы к классу индикаторов. И расположены они неудобно, да только в той тесноте никуда их не перенесешь. Знаете, где расположен мех, из которого я дышу? У меня на пузе. Зато клапан его наполнения приводить в действие очень удобно: как только почувую, что он расширился до упора в подолок и стал меня стеснять – пора отпускать рычажок. Ну да хватит о грустном. Впереди – яичница и сон.

* * *

Теплое солнечное утро обещает знойный день. Но сейчас, пока еще прохладно, я тороплюсь к своему детищу. Красота! Из люка торчат ноги в ботинках и черных флотских штанах.

– Степан Осипович! Вам помочь?

– Будьте любезны левую ногу потяните за коленку.

Пришлось повозиться. Лейтенант Макаров то и дело за что-то цеплялся или застревал, потому что в обратном направлении его позвоночник выгибаться не хотел. Каким-то неведомым образом он прополз на брюхе туда, куда ничего кроме ног поместиться не могло, а перевернуться на спину у него не получалось – не проходило плечо. Наконец, выбрал-

ся – помятый и исцарапанный.

– Право, в гробу просторней, чем в этом вашем... нырять-щике. Уж очень он мал.

– Маленький нырятьщик. Хорошее имя. Будете крестным отцом?

– Признаться, милостивый государь, порождение вашего гения мне совершенно не нравится. Если бы не вчерашний показ, я бы не стал тратить время на знакомство со столь убогим сооружением. Тем не менее возражать против фактов невозможно. Объясните, сделайте милость, как же оно все-таки плавает?

– Извольте. Начну с самого начала. В моем распоряжении имелся только мышечный ресурс одного человека. Сорок ватт.

– Что такое этот самый ватт?

– Ватт? – я невольно приостановился, переводя на употребляющиеся нынче меры мощности. – Это чуть больше тысячной доли лошадиной силы. Итак, при скорости один метр в секунду, что для вас привычней выражается понятием двухузлового хода, человек способен преодолевать сопротивление в сорок ньютонов, или четыре килограмма, или десять фунтов. Это немного, если сравнивать с мощностью современных паровых машин. С точки же зрения конструкции судна, чтобы оно хоть как-то могло перемещаться, прежде всего, необходимо позаботиться о минимизации его сечения. Вот этой цели все и подчинено. Отсюда и теснота. Кро-

ме того, уменьшению сопротивления служат и острые обводы, и гладкое покрытие, хорошо скользящее относительно воды.

– Понятно. Ну а что касается остальных элементов конструкции. Дайте, пожалуйста, пояснений, Петр Семенович, – Макаров указал на рули глубины.

– Любой предмет в воде может или плавать, или тонуть. Иными словами, он либо расположится у поверхности, либо достигнет дна. Уравновесить его так, чтобы он оказался посередине – чрезвычайно трудоемко. Иными словами, удерживать судно на заданной глубине можно только прикладывая усилия.

Разумеется, для этого можно применить разные способы. Принимать и откачивать воду из балластной емкости, что первым приходит в голову, или использовать напор набегающего потока, меняя угол крыльев-плавников, для чего обязательно требуется движение. Второй вариант мне показался удобней, потому что не требует расхода сжатого воздуха. Вы ведь помните, скольких трудов нам стоило его закачать вчера. С другой стороны, если требуется подождать, скажем, скрадывая неприятеля, лодка может это сделать и на минимальной глубине и скорости у самой кромки воды, но под ее поверхностью – тихонько кружить на самом малом ходу.

Как вы понимаете, я оставлял ничтожную положительную плавучесть, чтобы, случись что, обязательно всплыть самоходом.

Хорошо разговаривать с таким собеседником. Он наверняка разобрался с моими чертежами – помню, как просил Варюнделя отнести гостю альбом и папку. Детали ему известны и понятны. А, судя по некоторой задумчивости во взгляде, он уже мысленно сгибает корпус из котельного железа. Ну да, развертку я в общем виде рисовал и в папке этот рисунок имеется. За счет выигрыша в толщине материала, стороны поперечного сечения уменьшаются еще примерно на десять сантиметров каждая.

– А скажите, Петр Семенович. Кроме мускульной силы вы не думали привести лодку в движение ничем другим? – будущий беспокойный адмирал и сейчас весьма настойчив.

– Двигатель, работающий от электричества, был бы очень хорош, но достаточно емкого источника тока для него еще не изобрели. Для машин же, использующих тепло от сгорания топлива, требуется брать с собой запас окислителя. Думаю, чистый кислород в столитровом баллоне под давлением атмосфер в семьдесят, обеспечил бы работу машины, развивающей приличную мощность в течение весьма длительного времени. Я не имею в виду плавание, поход или рейд, но для вылазки в порт или прохода на место стоянки неприятельского флота этого может оказаться достаточно. Знаете, Степан Осипович, задача эта нетривиальная, и, признаюсь, мне и в голову не пришло задуматься о ее решении. К войне применить иной двигатель я не в силах, поэтому ограничился пределами возможного.

– Надо же! А я ведь полагал, что новостями вы совершенно не интересуетесь. Тоже почуяли запах пороха, доносящийся с Балкан? – Вот незадача! Как я проговорился о своей осведомленности. Но, видно, для флотского офицера мое предположение очевидно.

Потом мы крепко посидели над чертежами, переводя их в металл. Знаете, сотрудничать с прекрасным инженером, знающим современные технологии, – одно удовольствие. Мы не меняли ничего принципиально, но конструкции кранов и клапанов, приборы и люк-рубка, даже порядок сборки – все это не было забыто. Вопросы балансировки и остойчивости тоже постоянно принимались во внимание.

В результате кораблик похудел и, словно сыпью, покрылся полукруглыми шляпками заклепок. Нет, строить его было решительно негде и средствами для этого мы не располагали – просто получали удовольствие, осмысливая воплощение замысла «потаенного судна». Вскоре Макаров уехал, не сказав мне ничего определенного.

Глава 5

Мир интереснее, чем кажется

Кому скучно про технику – прошу прощения. Но я не умею интересно рассказывать про людей, потому что ничего в этой жизни не понимаю. Это мне жена доходчиво объяснила за три десятка лет счастливой совместной жизни. Она у меня умница и никогда ничего не делает неправильно.

Так вот, когда гость мой уехал, я спокойно продолжил заниматься своей затеей. Лодкой. Если кто-то думает, что вот как она построена, так пускай и остается, то это не совсем верно, потому что на самом деле вся эта лоханка состоит из одних сплошных несовершенств.

Начал я с шага винтов. Ну, это наклон лопастей. Мерный километр засек по береговым ориентирам и проходил его раз за разом при ритме работы педалями качок в секунду, имитируя спокойную ходьбу и засекая время преодоления заданного расстояния. С разными винтами, естественно. Переставлял, вырезая всякие варианты, и пробовал, как это скажется на скорости. Усилие, создаваемое ногами, оценивал, естественно, органолептически. Субъективно то есть. Кто в теме, знает, что на любую скорость вращения вала и скорость движения судна есть оптимальный угол поворота лопастей винта, когда тратится меньше всего энергии. Вот я

и нащупывал такой для экономичного хода, который желал вывести к значению три целых и шесть десятых километра в час или один метр в секунду. Дотянул до три и восемь – видимо, натренировались ноги, и получилось капельку лучше, чем ожидал. Это я репетировал крейсерскую скорость. Ту, двигаться с которой мог бы долго и не перенапрягаясь.

Следующим пунктом проверил автономность – считай, свою выносливость при движении. Ходил этим самым ходом, пока мог. Выдержал только три часа. И потом еще час добирался до пристани на половинной скорости. Сразу вслед за этим марафоном устроил оборудование для удаления жидких отходов жизнедеятельности организма и заказал Ефиму особый костюм, позволяющий телу более эффективно испарять влагу. Ну и чтобы было удобно эти отходы удалять. Собственно, это просто шорты и горшок с плотной крышкой.

Вслед за этим пошло совершенствование системы дыхания. Довел до ума клапана и вулканизировал загубник из резины взамен изгрызенного липового. И так, мелочь за мелочью, доводил все подряд до приемлемого состояния. Лаг теперь не только указывал скорость, но и отсчитывал расстояние. Головоломка была очень приятная, как раз по моей основной специальности. Разумеется, плавал я часто и подолгу, отрабатывая погружения и всплытия, слепой пилотаж на малой глубине с коротким показыванием рубки, чтобы «схватить» береговой ориентир. Заходил в мелкие уз-

кие протоки, заводи и связанные с рекой озера. Пробирался сквозь камыш и отчищался от налипшей ряски.

Для чего? Степан Осипович упомянул, что случись заваруха с турками, нашим военным кораблям на Дунае найдется много работы по специальности потому, что будущим неприятелем там построена целая система обороны с крепостями и даже речным флотом. Так что я и осваивался, как мог, в аналогичных условиях. Пришлось изменить форму передней части рамы носовых рулей глубины. Теперь в плане сверху она стреловидная. Благо последовавшее за этим уменьшение площади самих поворотных пластин прошло безболезненно – они изначально были великоваты.

Обживал лодку и учился, учился, учился. Знаете, сколько раз из-за неквалифицированного исполнения губились прекрасные замыслы?! Уверен, что не придумано еще такой цифры, которой это можно выразить. Вот и обретал я навыки пользования свои детищем, одновременно совершенствуя его. Приладил упор для ноги, нужный при вылезании, ручку – хватаясь за которую, проскальзывал ногами к педалям. Переделал запираение рубки-люка, заменив струбцины затяжными замками – тоже порезвился, признаюсь, от души, выдумывая удобную конструкцию с барашками. Ну и со слесарными инструментами наработался всласть, подгоняя и добиваясь легкости работы. Дополнил костюм головным убором с подушечками в местах, которыми обычно ударялся. Десятки мелочей пришлось продумать. Рацион, питье, вентиляцию

при нахождении «ныряльщика» на поверхности, исключаящую попадание в лодку воды, если накроет волной.

Поверьте мне на слово – любая непродуманная ерундовина может помешать в решающий момент.

* * *

Мелочи мелочами, но ракетный порох и динамит Степан Осипович мне прислал. Внял, видимо, моим настойчивым просьбам и отправил людей с передачкой. Нижних чинов, как их нынче называют. Как уж он расстарался, не ведаю, тем более к моей идее реактивной торпеды отнесся безо всякого энтузиазма. Но я-то слыхивал, что были и такие. Говорят – шибко быстрые. Не знаю, насколько дальнобойные, но по мне если подобный «снаряд» пробежит полсотни метров, то и ладно. А уж если сотню – вообще замечательно. Всяко это длиннее, чем шест, которыми нынче заводят мины под днища кораблей. Технология смертников, на мой взгляд. Немножко это чересчур по-русски. Макаров немало порассказывал мне о затеях флотских минеров – не поверите – волосы на голове дыбом встают.

По-настоящему меня волновало другое обстоятельство – глубина, на которую погружалась ниже ватерлинии броня, покрывавшая деревянные корпуса современных британских броненосцев. Два метра. Значит, мой будущий снаряд надо удержать в трех метрах от поверхности. Вот автомат-то глу-

бины и предстояло сделать. Нет, насчет датчика и исполнительного устройства не извольте сомневаться – это классика. Но пусть мне объяснят, какой энергией приводить это все в действие? Проще всего в современных условиях воспользоваться пневматикой и встроить баллончик сжатого воздуха, однако есть серьезный минус – подготовка такой торпеды к использованию становится серьезной процедурой.

Мне же хотелось устроить так, чтобы оружие приводилось в действие простым ударом по капсулю. Вы ведь представляете себе, что со всем этим должен управиться один человек. Тот самый, который работает штурманом, пилотирует подводную лодку и обслуживает аппаратуру для обеспечения собственного дыхания. Еще и за торпедиста работать – это просто гарантированная перегрузка. Спервоначалу да сгоряча уже было подумывал отвести часть газов из камеры сгорания, да вовремя спохватился – если работает двигатель, то мина движется, то есть – спереди набегает вода, создавая напор. Вот на этом и сыграл.

Вторую проблему – проблему курсовой устойчивости – решил тупо, по-китайски. Дело в том, что в Поднебесной ракеты издревле запускали, прикрепляя к бамбуковому шесту, который в полете болтался сзади, выполняя функцию стабилизатора. Позднее ракетчики решившие, что подобный примитив устарел, долго работали над курсовой устойчивостью своих изобретений и, надо сказать, пока не наладили работу хитроумной автоматики, успехи в этой области были бо-

лее чем скромными. Ну да я не привереда какой. Приделал к своей торпедке сразу четыре шеста. Сосновых, за неимением бамбука. Вдвое длиннее самой моей двухметровой торпеды, в аккурат по углам ее квадратного в сечении корпуса. Деревянного, толстостенного, просмоленного. В донышке поставил стальное сопло, заткнутое капсюлем и набитое для заправки обычным порохом, а уж дальше в камере сгорания был ракетный, что не так быстро горит, зато создает много горячих газов, каковые и толкают мою похожую на длинный ящик торпеду.

И неплохо толкают – метров пятьдесят с небольшим, я определил расстояние, на которое можно «дострелить». На этом и успокоился, полагая, что с большей дистанции все равно промахнусь.

Путейский инженер, хотя скорее железнодорожный, потому что не с дистанции, а из мастерских, попенял мне, что я не использовал принцип инжектора, которым закачивают воду в паровозные котлы – то есть из окружающей среды в область высокого давления. Собственно, он и притащил кое-какие детали и помог их приладить на модель. И действительно, с ними куда как бойчее поплыла моя мина и ушла аж на сотню метров – больше, чем полкабельтова по морским меркам. Ну, я так и оставил, а то у меня уже восьмая камера сгорания протлела – деревянные же. Да и порох я к этому моменту уже почти весь извел на эксперименты.

Как эту бандуру буксировать в точку выстрела? Толкать,

конечно. Она же точно совпадает с сечением корпуса лодки. Так что приставляется спереди к форштевню, а жерди-стабилизаторы протягиваются снаружи вдоль бортов и проходят сквозь уши, приделанные с боков у дна и у палубы – отрезки трубок. Если что, то задним ходом можно освободиться от этого груза. Или стукнуть по капсулю стержнем, точащим вперед, тогда движок заработает и сдернет торпеду вперед – она бежит скорее, чем лодка на самом полном ходу. Взрыватель «легкий», инерционный, сходит с предохранителя, когда в камере сгорания перегорит веревочка. И, да, пламени от такой ракеты не видать, хотя пузырьный след знатный и процесс движения сопровождает выразительное ворчание.

В общем, простенько и сердито. Уход от начального направления по горизонтали, конечно, есть, но в корабль длиной метров восемьдесят с сотни метров не промажу. Ну, так примерно описал Макаров характерные для этого времени корабли. И сказал, что после подрыва десятка пудов динамита у борта ниже броневых пояса, корабль, если и не затонет, то уж грозность свою потеряет надолго, потому что кроме как о ремонте команда ни о чем помышлять не будет. Я ему верю – уж кто-кто, но этот человек знает толк в живучести.

* * *

Разумеется, с такой торпедой на носу я на подводной лодке походил от души – надо было привыкать ездить с довес-

ком. Понятно, что снизилась скорость, ухудшилась поворотливость, но и то, и другое – до приемлемого уровня. Когда лодка продувалась, всплывая, нос ее опускался, потому что не менялась настройка «снаряда» на минимальную положительную плавучесть. На ходу задатчик глубины торпеды начинал работать и тянул за собой всю сцепку вниз на нужную ему глубину. Поначалу это меня раздражало, но потом я решил смириться и послушно давил педали на глубине трех-четырех метров, подвсплывая для ориентации за счет сброса хода. Будете смеяться, но глубину хода выбирала торпеда. В случае же неподвижности «сцепка» замирала у самой поверхности, почти не показываясь наружу – только рубка чуточку выставлялась.

Я решил, что это меня вполне устраивает, и перешел к практическим стрельбам с лодки, понятно, что без динамита. К этому моменту до меня через руки дошло, что выжигать камеры сгорания при каждой проверке – это слишком по-барски, и я стал обкладывать внутреннюю поверхность деревянного ящика с порохом обычным кирпичом. На балансировку это не повлияло – просто требовалось меньше балласта. А задней стенке ничего не делалось – она давно уже из котельного железа.

* * *

Осень. Пасмурно и монотонно. Деревья еще зеленые, но

мокрые листья темны и уныло обвисли. Чуть моросит, хотя мне в подводной лодке нет до этого никакого дела. Я иду узкой извилистой протокой и борюсь с торпедой, желающей погрузиться на свои излюбленные три метра. Каждый раз, как я лишь чуть разгонюсь – начинается кивок. Срочно отрабатываю его передними рулями глубины, потому что, поминутно останавливаясь, могу затратить кучу времени на преодоление ничтожного расстояния. А погружаться некуда – тут по пояс. И берега кругом. Нельзя зевать, а то мигом вылетишь на сушу. Сквозь мутную воду тоже не многое разглядишь. Вот и мучаюсь, отражая попытки самоходной мины руководить моими действиями.

Сцепка, которую я веду по идеально спокойной воде, испытывает аритмичную килевую качку – не удастся подобрать устойчивого положения. И смех, и грех. Хорошо, что нет зрителей. Усталость быстро дает о себе знать, потому что пройдено уже более шести километров – место для полигона я выбрал безлюдное и отдаленное.

Вот и озеро. Тут приличные глубины и мишень на месте. С виду это бревно, но под ним висит плетень с грузами. Это я позавчера закончил сооружать с мужиками с пристани. Но сейчас тут никого нет. Закладываю красивую дугу и выхожу в точку выстрела. Ход сброшен до нуля, и лодка всплыла в положение «снаружи только рубка». Навожу нос на середину тонкой чуть видной полоски – крутя винты, я струей воды омываю перо руля, отчего корма послушно заносится в нуж-

ную сторону. Потом, дав реверс, останавливаю поступательную компоненту движения, полученную за время поворота. Я ведь уже сжился с лодкой, знаю и чувствую ее, наверное, не хуже, чем опытный пилот свою крылатую машину. Даже вот некое подобие балетных па могу выполнять.

На глаз до бревна метров сто. Риска наведена точно в центр десятиметровой цели. Пора. Дергаю за рычажок привода бойка. По ощущениям сработка прошла штатно, и вода впереди вскипела, как и полагается. Да так и бурлит прямо перед носом, а торпеда никуда не уходит.

Заело!

Перекос, что ли, получился в трубах, сквозь которые проходят жерди-стабилизаторы? Или разбухла древесина?

Срочно даю задний ход, чтобы оторваться, но меня продолжает тянуть вперед – реактивная струя обтекает острый нос и делает свое дело. Гадство! Шнур предохранителя наверняка уже перегорел и меня может разнести в клочки при малейшем отрицательном ускорении.

Продолжаю изо всех сил давить педали, пытаюсь удерживать сцепку на месте, но вперед меня тянет сильнее, чем назад. Я проигрываю метр за метром, а мишень приближается. И руль на заднем ходу почти не действует.

Что делать?! Ща ка-ак подзарвусь! Даже выпрыгнуть не могу – слишком долго выбираться из тесных недр лодки.

Тогда вперед и руль на борт. Есть – проскочил мимо. Теперь снова крутить назад, потому что до берега тоже неда-

леко. Или крутить вперед, но продолжать поворачивать? А сколько времени прошло? Мало. Значит, поворачивать.

Описываю плавную дугу, тащась за торпедой, и переживаю, что будет, когда истратится топливо. Ведь начнется быстрое торможение в плотной водной среде, отчего запросто может сработать взрыватель. Он же инерционный, надежный и очень легкий. Нарочно делал в расчете на самоликвидацию после того, как отработает двигатель в случае промаха.

Точно. Выдыхается торпеда. Зато теперь я притапливаю изо всех сил, толкая ее вперед, и замыкаю круг. Второй. Третий. Постепенно, по чуть-чуть снижая скорость. Наконец полная остановка. Только тут понимаю, что все время, пока боролся, правая рука работала передним рулем глубины, не позволяя торпедо утащить меня под воду. Или она просто удерживала рычаг в положении «от себя»? Или не удерживала, а он сам так и оставался, потому что сбалансирован? Не помню. Значит – паниковал. Да я и сейчас паникую, потому что стоящая на боевом взводе торпеда со сверхчувствительным взрывателем по-прежнему остается при мне, и до боевого отделения от моей головы ровно четыре метра.

Медленно продуваюсь. Плавными движениями открываю люк. Торопиться нельзя, но и медлить опасно. Через сопло в камеру сгорания сейчас проникает вода. Самоходная мина тяжелеет и тянет нос лодки вниз. В принципе, взрыватель может прийти в действие даже от наклона.

Вот я и снаружи. В одних шортах под осенним дождем. Вскрывать мину и не пытаюсь – она заколочена гвоздями, а оторвать доски и ничего не стряхнуть – этого, наверное, никому не дано. Осматриваю трубки, сквозь которые проходят жерди-стабилизаторы. В верхних все в порядке, а вот в правой нижней нащупывается что-то постороннее. Вынимаю – обломок стебля тростника. Ну, гадский же папа! Погибнуть из-за такого пустяка было бы обидно.

Хм. Торпеда отделилась. Выскользнула под действием собственного веса – ведь в трубках она решительно ничем не закреплена. Видны редкие пузырьки воздуха, выходящие из сопла, но любоваться ими мне некогда. Скорее в лодку и самый малый назад, чтобы не толкнуть ненароком жерди-стабилизаторы. Вот. Отъехал. Теперь и рубочный люк можно закрыть.

С полчаса просто сидел, дыша наружным воздухом. Ясное дело, как следует удалившись от опасной соседки. Мне о многом надо было хорошенько подумать. Прежде всего, о простоте решений, с которой я явно переборщил. А потом за моей спиной бабахнуло – торпеда самоликвидировалась. Сам не понял почему. Не смотрел в этот момент в ту сторону.

Домой возвращался с продутыми цистернами и вентиляцией наружным воздухом. Понял, что для обеспечения его поступления в кабину нужно тоже ставить насос вроде ручного меха – самотеком дело идет неважно. Открывать люк на ходу нельзя – до воды от него чуть больше десяти санти-

метров. Я обычно сначала кладу нос на дно у берега и только после этого вылезаю. А в море занимать место в лодке можно, исключительно тогда, когда она находится на палубе корабля обеспечения. И уж только потом следует спускать ее на воду.

Иными словами, садиться в плавающего на морском волнении «ныряльщика» – рискованно. Его открытую горловину захлестнет даже самая ничтожная волна.

* * *

Прогнал обуювшую меня в последнее время лень и принялся устранять выявленные недостатки. Прежде всего, позаботился о том, чтобы горизонтальные рули торпеды до ее старта оставались неподвижными в нейтральном положении. Крепление снаряда к лодке тоже изменил – поставил на носу замок с приводом изнутри. Не рассыплюсь, если после удара по капсулю поверну еще один рычаг. Зато теперь мне доступен и задний ход – снаряд не оторвется. И то, ради чего произведена вся эта революция – трубки, больше не охватывают жерди-стабилизаторы. Я их концы с задних торцов накалываю на подпружиненные вилочки, чтобы не телепались на ходу.

Реактивная струя во время хоровода смерти, что я водил на озере, заметно подгрызла форштевень и прилегающие к нему участки обшивки. Пришлось чинить и обшивать ли-

стом меди. Словом, совладал с разгильдяйством, обуявшим меня в последнее время оттого, что многое удалось, и стал въедливым вплоть до мелочей.

* * *

Как вы поняли, закончилось лето и в гимназии возобновились занятия. Я вернулся к работе и первую половину дня был занят отнюдь не техническим творчеством. Стрельбы вообще приходилось проводить в выходные. Пару раз сходил на то же озеро и в первый раз промазал – опять со ста метров пальнул, но торпеда мимо прошла. До берега не добралась, остановилась и самоликвидировалась.

Со второй попытки попал. Аккурат через неделю. На этот раз стрелял с пятидесяти метров. Крепко меня тряхнуло, хотя я и отползал задним ходом. После этого у меня больше не было ни мишени, ни ракетного пороха, ни динамита. Вот и всё. Решена задачка. Оставалось почитать газеты и, если Степан Осипович не пригласит меня на войну, отправиться туда лично.

Кстати, к этому моменту с финансами у меня дела обстояли плачевно. Пожертвований на подводное плавание давненько не случалось, а жалованье учителя быстро расходуется при постоянных расходах на оплату заказов то на одни финтифюшки, то на другие. Тем более что никто среди горожан больше никаких скидок мне не делал.

К затее моей все привыкли, и мода на потаенное судно прошла. Чудак-изобретатель сделался частью местной жизни, понятной и давно всем знакомой достопримечательностью. Дела кабацкие у моих хозяев шли ровно и о «ликвидации бизнеса» речи не шло. Макар продолжал считать, что тому причиной небольшие оригинальности в меню и необычный репертуар музыкантов, и продолжал относиться ко мне как к родственнику, присутствие которого весьма полезно.

К слову, отношения у нас действительно сложились теплые. Я ведь, если меня о чем-то не спросят, крайне редко открываю рот. Говорю «здрасьте» и «спасибо» и не забываю отпустить краткий одобрителный эпитет, если кто чем похвастается. Ну а когда помочь нужно – тут уж без спросу действую. Так что и стол, и дом мне решительно ничего не стоят.

Едва река покрылась льдом, лодку затащили обратно в мастерскую. Я приводил ее в порядок – в основном это касалось внешних поверхностей. Зашкурил повреждения, заново покрыл размягченным в бензине битумом, осмотрел все «механизмы». Редукторы из шестерней от дрелей меня больше всего беспокоили, их и сменил на более прочные, присланные все тем же Степаном Осиповичем, а то износ зубьев стал уже заметным. Устроил ревизию подшипникам. Все они построены на скольжении, так что изнашиваются. А послужить им пришлось изрядно.

Закончив с лодкой, принялся за изготовление торпед. Как раз выдали жалованье и стало возможно заказать детали для автоматов глубины – не все я своими руками умею делать. Пришло письмо от Степана Осиповича, но не из Питера, как раньше, а из Севастополя. Перевели его на новое место уже с месяц как, поэтому, будучи в хлопотах, не мог он ответить на мои письма, где я ему регулярно отписывал про свои достижения и неудачи.

Все в жизни было тихо, и я наслаждался покоем провинциального городка. Если память мне не изменяет, для этой эпохи характерен обычай не начинать войн зимой. Так что на спокойные новогодние праздники и масленицу я рассчитывал. А уж что дальше случится и в каких датах – хоть убейте, не помню. А только с приходом тепла – по зову ли Степана Осиповича, по собственной ли воле – мне придется отсюда уехать. Как? Там видно будет.

Глава 6

Не стоит, право, огорчаться

– Юнкер! Что тут, чегт побегит, пгоисходит?! – эти слова обращены явно ко мне, потому что нет больше поблизости ни одного юнкера – точно знаю. И вообще ни одного здравомыслящего человека в ближайшей округе сейчас не отыскать. Я снаряжаю боевой отсек торпеды динамитом. Все остальные разумные существа боятся, прячутся и следят издалека за тем, чтобы никто этому делу не помешал.

Говорящий находится за моей спиной, и ничего, кроме яростного «Тсс!!!» я себе позволить не могу. Брусок плохо заходит, и все внимание сконцентрировано в кончиках пальцев.

Спокойно «досылаю» шашку. Вот, теперь получилось плотно и устойчиво. Оборачиваюсь.

У входа в сарай стоит юный румяный мичман, пухленький и очень милый.

– Нугин? Ггаф? – вырывается у меня непроизвольно.
– Откуда знаешь? – парнишка вздрагивает от изумления.
– Так пгав я иль не пгав? – неожиданно возникшая аналогия со сценой из фильма «Гусарская баллада» несет меня по запомнившемуся тексту. Вот похож человек на того героя, что пытался испортить карьеру Шурочке Азаровой, хотя и

моложе его, наверное, втрое.

Юнец багровеет от злости и заезжает мне кулаком прямо в морду. Вяло так, с ленцой. Собственно, руку его я перехватываю, выпучиваю глаза и шиплю:

– Ударись – погибнешь, – смотрю, как багровение переходит в вишневость, делаю полшага в сторону, и добавляю: – Динамиттт!!!

Признаки разума возвращаются на искаженное яростью лицо. Кажется, ребятам рассказывали о чем-то подобном там... где они учились.

Беру мальчика под локоток, осторожно разворачиваю, и мы на цыпочках покидаем помещение. Медленно крадемся в сторону нужника и, едва до наших ноздрей доносятся соответствующие запахи, отпускаю конвоируемого. Кажется, он понял, что мы на верном пути, и полагает, что далее справится без посторонней помощи.

Не, ну я сражен наповал. Мичман Снегирев уже спешит мне навстречу:

– Петр Семенович! Простите великодушно! Он от берега прошел, а Тычкин не посмел остановить офицера.

– Не волнуйтесь, Роман Евгеньевич! Их светлость не успели убиться. Надеюсь, вы не поспешили наказать Колюньку?

– Признаться, не до того было.

– Вот и хорошо, вот и славно. – Знаю я цену этим... уродам. А что матросик-первогодок не посмел остановить расфуфыренное благородие, так не понял еще толком, за что

накажут, а за что чарку поднесут. — Похвалите, что сразу побег докладывать, а за то, что не остановил, пожюри ласково, без мордобоя. Вот и будет матросику наука.

Смотрю, как Снегирев несется к посту оцепления и... меня отпускает. Не мальчик ведь я уже. Волнуюсь. А мне еще крышку крепить.

— Ты, сын блудливой ослицы и... и... вшивого гиппопотама! Тебе было сказано никого не пускать, значит, хоть император, хоть мать родная — умри, но останови. Шкуру спущу с подлеца! Впрочем, молодец, что доложил, но бежал, как беременный таракан. Марш на пост! Да не туда, бестолочь, к сортиру! Нурина держи, пока господин юнкер не разрешит снять оцепление.

Как вы уже поняли, юнкер — это ваш покорный слуга. Так нынче называют флотских вольнонаемных... пардон, вольноопределяющихся. Ну для занятия офицерской должности оснований у меня нет, а возраст давно непризывной. Но и находиться в этих местах, не нося формы военнослужащего, крайне неудобно. Я ведь ясно сказал Макарову, что категорически намерен воевать, вот он и похлопотал, чтобы все оформили соответственно.

Как я сюда попал? А как только лег снег, прибыла за мной группа товарищей, под руководством как раз мичмана Снегирева. Письмо от Степана Осиповича привезли и забрали меня вместе с лодкой и всеми причиндалами к самому Черному морю. Товарищи, как вы понимаете, были нижними

чинами. Причем не юноши, а люди с понятием. Уж больно складно все у них получалось. Пока я выправлял у Ильи Николаевича бумагу, характеризовавшую меня с положительной стороны как добросовестного и прилежного учителя математики, они, считай, все упаковали.

В последний вечер в трактире впервые прозвучали «Триста лет кукушечка», «На маленьком плоту», и Варвара оторвалась: «Сильная, смелая, как лебедь белая, я становлюсь на крыло». Тут мичман и погиб. Видел я, как затрясло сердешного. А как к ногам падал – это без меня было. Но уверен, что без этого не обошлось. За завтраком молодые люди поглядывали друг на друга с выражением. С каким? Будто не знаете?! Они сейчас состоят в переписке. Ну да не о юных голубках речь. Завтра у меня непростой день, а динамит мне как-то сразу на вид не понравился. Маслянистый, сверху. В мемуарах же Старинова припоминается случай разминирования какого-то моста, когда при осмотре давно заложенного заряда автору книги не показался внешний вид взрывчатки. Она слезилась.

Почему-то опытные подрывники из-за этого побоялись к ней прикасаться и сначала облили щелоком, да не как-нибудь, а осторожно цедя его через солому. Ну, а когда отмыли, тогда и вытащили уже безбоязненно.

Вот и я, откинув крышку, заопасался. Лежалый, что ли, этот динамит? И мыть его боязно – вдруг он после этого совсем не станет взрываться? Он же мне ужасно нужен! И что

делать? Решил рискнуть, но попросил оцепить район, где собирался трудиться, пока не закончу. Торпеду мою и затащили прямо в сарай, где хранятся взрывчатые вещества. Чтобы хоть как-то унять маслянистость, я присыпал ее пудрой – отыскался на складах запасец. Уж не с тех ли времен лежит, когда парики по уставу пудрили?

Хотя Макаров, потеряв порошок между пальцами, буркнул:

– Магнезия. Дельно.

Вот и припудривал шашки, доставал осторожненько, словно при игре в бирюльки, да укладывал в боевое отделение. Вроде пронесло. Крышки-то отсеков торпеды у меня теперь не гвоздями заколачиваются, а крепятся на болтах, хоть и сквозь дерево, зато через каучуковые прокладки и с широкими шайбами.

Ну вот, можно приступать к следующим процедурам.

* * *

Романа Евгеньевича вместе с этим чуть не уделавшимся Нуриным я отослал безапелляционно:

– Господа офицеры, извольте удалиться на кабельтов. Вам еще турка бить, а уж мы тут покряхтим по-стариковски.

Снаряженную торпеду следовало донести до воды, спустить и обнулить ей плавучесть. Это с полутора сотнями килограммами динамита, при собственном весе около по-

лутонны. Откуда столько, спросите? Так семь сантиметров деревянных стенок никуда не денешь. Потом еще балласту придется добавить до достижения нужного результата. Да знаю я, что неказисто это все, зато оно есть и работает. Так что можете насмехаться над старым чудаком. До завтра.

Почему я так уверенно про турка заявил? Так нет вокруг меня дураков. Русский флот, почитай, с осени готовится воевать тут на Черном море. Корабли у какого-то богатого купца по имени Ропит отобрали и вооружают пушками, а еще множество кораблей да катеров куда-то погнали. Бают – на Дунай. Я тоже без дела не сижу, так что нет у меня времени разбираться в политиках разных и стратегиях. Мое дело подготовиться к утоплению супостата, тем более что Макаров обещался взять нас с маленьким ныряльщиком к себе на «Великого князя Константина». Это тоже корабль, отобранный моряками у того же самого несчастного Ропита – на нем собираются возить катера, предназначенные для использования шестовых мин. Самоубийцы. И на моего «Маленького ныряльщика» смотрят свысока. Белая кость, голубая кровь! Что с них возьмешь!

* * *

Чем я был занят в конце зимы и начале весны? Разумеется, прежде всего, торпедами. Достраивал, благо недостающие детали по эскизам изготавливались теперь за казенный

счет, и, поскольку затраты на них оказались просто смехотворными, то дело упиралось исключительно в сроки. А вот тут возникали затруднения – русский флот находился в состоянии подготовки к войне, отчего делалось много усовершенствований на кораблях, особенно на тех, что намеревались отправить на Дунай. Рабочие руки весьма ценились.

Сам я, по представлении бумаги с похвальным отзывом о преподавании в гимназии, был принят вольноопределяющимся и получил чин юнкера флота – то есть звание не офицерское, но и не просто матрос. Добровольцами ведь принимали нужных специалистов, а не всех желающих подряд. Причем подтверждение получения образования являлось важным условием. Я же ни диплома, ни аттестата, ни свидетельства не имел. Вот тут-то бумага от директора гимназии и сработала, тем более с поддержкой Степана Осиповича.

Трудился я на берегу. Выбор места определил сарай с динамитом, расположенный поодаль не только от жилья, но и вообще от населенных пунктов. Для охраны тут была поставлена армейская палатка, и служба неслась без глупостей или разгильдяйства – не все в Российской армии так уж плохо, как иной раз поговаривают. А вообще-то, флотские шарахаются от динамита, считают его очень склонным к подрыву при малейшем ударе. Конечно, они правы, но их любимый черный порох под днищем броненосца, как мне кажется, будет не слишком эффективен, тем более что в свои шестовые

мины они его всего-то килограммов двадцать пять могут заложить – иначе таким грузом на конце длинной жерди просто невозможно ворочать, тяжело. А у меня в торпеду помещается сто литров – полтораста килограммов. Ну и взрыв куда как мощнее в плане разрушительной силы, потому что проходит натуральная детонация, а это намного быстрее, чем горение пороха. Потому и энергия выделяется, считай, мгновенно. И вместо толчка получается удар.

Вот и занимался я тут торпедами, пока погода не повернула на весну. А потом обкатывал в море своего «Ныряльщика». Мы приспособились буксировать его за катером, для чего на носу на палубе пришлось установить рым – это по морскому так называется кольцо. Вот за него буксировщик и цепляется, да так потом и тянет за собой. Если же лодка идет с торпедой, тогда за торпеду и тянут – на ней тоже имеется рым.

Что сказать? Вода в море чище, даже можно ориентироваться, поглядывая снизу на днища кораблей. То есть получается уже не слепой полет, как в речной мути. Однако не на шутку беспокоит волнение. Потому я взял за правило ходить на глубине метров десяти. И «потолок» еще хорошо просматривается, и уже не качает. Опять же воздух мне в баллоны закачивали отнюдь не ручным насосом, так что его хватало надолго. Шестнадцать атмосфер лучше пяти.

Торпеды, как вы, наверное, догадались, я все по разу отстрелял еще без взрывчатки. Всю дюжину. Они, понимаешь,

каждая на свой манер плывет. Имею в виду отклонение от первоначального направления. Вот это отклонение я на них и отметил, переставив прицельные торчки так, чтобы створ указывал куда надо. А потом – чистка, перезарядка с приклейкой кирпичей, которые отвалились от стенок после нагрева, когда горел порох. И горькая правда жизни. Отобрали у меня моих красавиц господа командиры минных катеров. Сказали – самим нужны. Правда, пару штук оставили, чтобы не сильно плакал.

Не юнцы уже – вполне зрелые молодые люди, они, ясное дело, выпытали из меня всю подноготную и дальше возились с ними сами. Там и хитростей-то, только аппарат установки глубины. Да и то, мне показалось, что знакомы они с темой, потому что спрашивали исключительно о важных особенностях, а не о принципе работы. А вот в боевые отделения напихали пороха. Говорил уже, что опасаются динамита.

Что еще отметить? Отношение к вольноопределяющимся довольно мягкое. То есть вне службы можно ходить в статском платье, да и стеснений в перемещении нет. Большинство офицеров со мной по имени-отчеству – видимо, чин юнкера для сивобородого мужика им не кажется подходящим. С матросами и кондукторами – аналогично. Молодежи среди нижних чинов у нас на «Великом князе Константине» негусто. Так те вообще повадились дядей Петей звать. Не подумайте, что я расслабился – звания различать научился и обращения «вашбродь» с «васкобродь» не путаю, если встре-

чу незнакомого. При случае и глазами начальство могу есть. Ритуалы надо знать и блюсти. Это необременительно.

Из работ отмечу еще подготовку к погрузке подводной лодки на корабль-носитель. Дело в том, что шлюпбалки тянут суденышко вверх всего за две точки, а мне с торпедой это не подходит. Сочленение подводного судна со снарядом не приспособлено к большим поперечным нагрузкам. Попросту говоря, сломается наша сцепка, если тянуть за нос и корму. Пользуясь тем, что днище и у субмарины, и у ее оружия плоское, устроили прямоугольный поддон и хорошенько отрепетировали с ним процедуру как спуска, так и подъема. Трудность заключалась в том, что пилот на протяжении всей операции находится в герметичной кабине и не может ни в чем участвовать. Посылать человека, чтобы, стоя в холодной воде, он что-то привязывал или отвязывал, не хотелось, тем более – море не всегда спокойно и лодку мою просто будет перехлестывать. К тому же под ногами «лишнего» человека она вообще может погрузиться не вовремя. Ну да справились с этой задачей при помощи концов и багров.

* * *

Весна на берега Черного моря приходит сравнительно рано и в апреле уже тепло. Ветры, конечно, то тучи нагонят, то шторм принесут, но погода меняется быстро. Наш корабль второй день в море. Будущий беспокойный адмирал гоняет

команду и в хвост, и в гриву. Свое место по боевой, артиллерийской, пожарной и водяной тревоге я уже знаю. Оно всегда одно и то же – с правого борта ближе к корме в той самой каюте, где проживаю. Это, чтобы не путался под ногами у занятых делом людей. Каюта пассажирская, удобная, хотя не особенно великая.

Рядом на палубе стоит моя лодка прямо вместе с торпедой на щите, прикрепленном к шлюпбалкам. И задача моя – по первой же команде занять место в кабине, чтобы отойти в сторону – увезти подальше заряд динамита, как только другие члены команды вывалят нас за борт. Не хотят рисковать моряки в случае попадания в боеприпас шального осколка или еще чего.

Сейчас идут минные учения. Три паровых катера атакуют крепко осевший в воду корпус старого корабля. На нем осталась только мачта, и та покосившаяся, отчего выглядит он по-разбойничьи. Никого на нем нет, и он дрейфует, как захочет. Незанятая часть команды расселась на крыше надстройки и комментирует действия экипажей этих камикадзе-миноносков. Не могу на это смотреть, хотя и знаю, что заряды многократно ослаблены. А вот у меня тренировочной торпеды нет, поэтому придется тратить боевую. Оттого и очередь моя – последняя.

На корабле нынче немало начальства. Двое «васкобродий» и даже одно «вашсияс». Но меня им не представляли, так что имен не скажу. Наши-то офицеры – лейтенанты и

один мичман, возрастных мужчин нет. Так что серьезного человека кроме как среди нижних чинов не сыскать. Когда случается, пригласят в кают-компанию – чисто детский сад. Шутки всякие и разговоры в основном про баб. В общем – в точности как у нас.

Я заставил-таки себя скрепить сердце и полюбоваться на «работу» минных катеров. Они, как выяснилось, не на шестах подпихивали заряды под борт мишени, а затягивали на буксире. Устройства эти называли «крылатками» и подрывали электрическим запалом через провода. А еще мне другие зрители растолковали, что снаряжаются они пироксилином, которого в боевом положении два пуда. То есть вариант не настолько безумный, как казалось раньше, но и не самый лучший, потому что можно намотать буксир на винт – мину ведь не по прямой буксируют, а выписывают с ней довольно загогулистые кривулины.

– Подводную лодку к спуску! – это с мостика через рупор.

Пока матросы снимают брезент, надеваю шлем и разминая плечи – мне их сейчас предстоит сворачивать трубочкой. Сашка Клемин открывает люк и смотрит, как я ввинчиваюсь в потроха своего подводного дредноута. Помогает поставить крышку на место, осматривает уплотнение и показывает большой палец, как я учил.

Затягиваю барашки замков и тоже показываю большой палец.

– Лодка к спуску готова, – вопит мой ассистент так, что я

отчетливо слышу. Это значит, что сигнал прочитан верно. Я уже устроился и проверился.

В ответ снова звучит рупор, меня поднимают, переваливают за борт, унимая раскачку длинными шестами, и опускают в воду.

От машины в воздухе я неотделим. В воде, конечно. Как только метки на канатах оказываются ниже кромки палубы, даю ход. Теперь, хоть искомандуйся кто хочет где угодно – я ничего не слышу и тупо выполняю задачу.

Обнуляю плавучесть, что непросто – волнение не позволяет так же чутко, как на речной глади, угадать момент закрытия клапанов. Нырок, глубина десять метров. Поворот на заданный азимут. До цели две мили, а это ровно час ходу. Видимость нынче в воде очень хорошая. Свет падает удачно, а на блики, что иной раз доходят до меня с волнистой поверхности моря, внимания не обращаю. Иду плавно, дышу ровно и гадаю, придется мне всплывать для корректировки курса, или прямо отсюда разгляжу днище мишени?

Ну вот, время вышло, и справа вроде как что-то появилось. Точно, тенисто в той стороне.

Доворот. Нашел. Что-то бесформенное непонятных очертаний торчит сверху через границу воды и воздуха. Плавно выбираю позицию и сбрасываю ход. Подрабатываю рулями глубины, чтобы не всплывать. Увы, ничего чудесного – ни расстояния не могу оценить, ни положения цели – приходится всплывать, обнулив скорость. Вот через воздух видимость

прекрасная. Целюсь прямо в середину и дергаю рычаг пуска. Пошла родимая, вспенив за собой все до полной непрозрачности.

Резкий поворот через правое плечо и полный ход. При-знаюсь, по такому случаю – я тоже терпеть не могу динамит. И не люблю находиться от него поблизости. Так что – рву когти.

Минута по часам прошла, и меня словно пнули под зад. Попал. Теперь снова взять курс по компасу и опять час неторопливой работы ногами. Вот на этот раз шансов отыскать корабль не всплывая, у меня практически нет. Его, в отличие от полузатопленной старой калоши, сильно сносило ветром.

Пока работают ноги, голова свободна. Она вспоминает, откуда дуло, и прикидывает скорость дрейфа. Ну-ка, три градуса влево.

Всё, время вышло. Ни днища корабля-носителя, ни даже тени от него, не видать. Закладываю плавную циркуляцию влево и продолжаю осматриваться. Почему не всплываю? А не хочу показываться на глаза наблюдателям. Судно-то мое – потаенное, вот это я и демонстрирую. Такие вот понты. Поэтому иду змейкой и буквально через десять минут обнаруживаю искомое.

Нет. Это что-то маленькое. Точно, паровой катер куда-то бежит. И курс у него как раз туда, откуда я двигаюсь. Значит, мне надо обратно. Пять минут поиска, и я отчетливо вижу тень нужного размера. Обхожу с кормы и всплываю непода-

леку от родной шлюпбалки. Смотрю и жду, когда команда на надстройке напрыгается, размахивая головными уборам... Не напрыгалась. Приемная люлька пошла вниз раньше.

А вот теперь – настоящая акробатика. И подвесная система слегка покачивается, и меня волна заметно колышет. А створ узкий. Подхожу к нему гадая, попаду или нет?

Нет, не попаду. Спячиваюсь. Передышка.

Помощнички мои убирают подъемное сооружение и длинными баграми тянутся к воде. Понятно. Второй вариант. Опять подхожу к борту и вижу, как крюк, поданный на длинном шесте, промахивается мимо рыма. Раз, второй, третий... поймали. Сзади вроде тоже ухватили, потому что канат натягивается, и я открываю воздушные клапана балластных цистерн. По мере того, как лодку поднимают, вода из емкостей уходит самотеком. Сжатый воздух – это наше все. Нечего его понапрасну расходовать!

Палуба. Маленького ныряльщика сразу опускают на щите. Я освобождаю запоры люка, завинчиваю краны дыхательной системы и... как раз Санька распахнул люк. Этот воздух вкуснее и пьется легче. Вывинчиваюсь и выбираюсь наружу, с удовольствием опираясь на протянутую руку. О! Степан Осипович.

– Не утруждайте себя докладом, батенька! Ступайте до лижечка, – он уроженец Николаева и изредка пропускает в свою речь колоритные малороссийские словечки. Крайне редко, можно сказать, по особым случаям. Значит, на высо-

ких гостей мой сольный номер произвел должное впечатление.

– Рад был потрудиться.

Глава 7

Началось

Весна уже набрала полную силу. Что-то цветет, что-то распускается, а кое-где и голые ветви рассказывают окружающим о своей неготовности поверить в приближение лета. Уведомление о начале войны между Россией и Турцией было совсем недавно. Командир по этому случаю построил нас на палубе и выдал короткую речь, в конце которой пообещал, что бить турок мы направимся буквально с минуты на минуту. Так что все вокруг уже испытывают единый патриотический порыв и рвутся в бой. Ну да, верят Макарову люди – есть в нем что-то надежное и обстоятельное. Опять же, с начальством в ладу. Наверное, оно ему объяснило все, что надо. Насчет того, кого рвать и в какой последовательности.

«Великий князь Константин» опять в море. У всех на устах одни и те же слова: «Поти» и «Батум». Это, как мне припоминается, как раз в том самом углу Черного моря, где Советский Союз граничил с Турцией. Опять же курс держим на восток – юго-восток, но ближе к востоку. Пора пообщаться со штурманом и как следует рассмотреть подробные карты. Командир наш явно намерен доказать эффективность минного оружия при атаке неприятеля в порту на стоянке – наслушался я уже кают-компанийских разговоров на

эту тему.

Кроме «Маленького ныряльщика» на борту имелось три паровых катера. «Чесма», «Синоп» и «Наварин». «Чесма» – размером крупнее двух других – в походе располагалась ближе к корме и по левому борту. Во время тренировок именно она чаще других брала меня на буксир. С ее командиром лейтенантом Зацаренным мы довольно часто трындели за жизнь – общительный юноша и любознательный. Как вы понимаете, на пароходе, где имелось около сотни комфортабельных пассажирских мест, уютно посидеть – не проблема. Хотя буксировку моей деревянной торпеды перед носом катера раньше других освоили два других суденышка. Они были не столь широкими, и вопросы расположения жердей-стабилизаторов для них решились проще. Экипажи этих скорлупок состояли из трех-четыре человек. Сами кораблики были дополнительно обшиты броней из котельного железа, защищающей людей от ружейных пуль.

Так о торпедах. Как вы поняли, после моего сольного номера про буксируемые мины все дружно забыли и переориентировались на деревянные изделия, которые представляли собой двухметровый толстостенный деревянный ящик сечением примерно шестьдесят на шестьдесят сантиметров, сзади за которым, как продолжение длинных ребер, тянулись четырехметровые рейки-стабилизаторы.

Мы их прикидывали и так и сяк, пока не приладили по бортам «Чесмы» сразу пару штук. Долго возились с системой

отпускания при выстреле, но ничего так, справились. Главное было отработать перерубание каната одним ударом. Это освобождало рычаг, который фиксировал удерживающий захват.

На меньших катерах от идеи толкача тоже быстро отказались – они не могли, как я, идти в спокойной воде на глубине, и качка расшатывала длинную массивную консоль. Применили буксировку лагом, наворотив у борта систему рычагов, тяг и упоров, отчего возникало ощущение, будто в наши края занесло полинезийскую пирогу с балансиром. Цеплять же к этим крошкам вторую торпеду для симметрии никто не решился. Они и так не шибко хороши на ходу, даже и без довеска.

Так о картах. Тут есть мнение, что в Батуме нынче должны стоять турецкие броненосцы, на которых наш командир желает попробовать зубы. Туда мы и направляемся. Бухта здесь имеет вход с севера, то есть попасть в нее можно, идя вдоль берега курсом на юг. Это я для себя так примечаю. Что любопытно – в тридцати милях севернее расположен Потти, где нынче наши. Это на случай, если после атаки мне не удастся добраться до корабля или встретиться с одним из катеров. Конечно, пятнадцать часов хода на педальном приводе дело утомительное, но, если ситуация окажется безвыходной, то куда я денусь с подводной лодки?

Время вышло. «Великий князь Константин» застопорил машину и катится по инерции, замедляя ход. Ночь черна и пасмурна, впрочем, луна может выглянуть из-за облаков в любой момент. Сейчас же сигнальщики не столько всматриваются, сколько прислушиваются, обводя горизонт мегафонами. Да, это я подсказал использовать рупоры в качестве слуховых труб. В тихую ночь плеск весел можно расслышать за километр. Проверяли.

Все остальные неподвижны и, кажется, даже не дышат, чтобы не создавать помех слухачам.

Тихо. Начинаем. Звучат команды, люди расходятся по местам. Ни огонька, ни искорки. Но все проходит гладко – не напрасно действия отрабатывались с повязками на глазах – спокойный и совсем не ругачий Степан Осипович во время тренировок и учений весьма требователен.

Скрипят тали, шлюпбалки соударяются с упорами. Малые корабли спускают на воду. Напряжение достигло апогея – в торпеды заряжен динамит, а система безопасности при этой операции у всех, кроме меня, продумана весьма слабо. Скажем – конструктивно не подготовлена. Ну не осмысливал я концепцию торпедных катеров. Тут уж всяк изгалялся по-своему. Надеюсь, что небезуспешно.

«Чесма», обогнув корму корабля, берет мою лодку на бук-

сир, чуть подсветив бледным фонарем. Мы сейчас прикрыты от берега корпусом. Пошли.

Хорошо, когда тебя тянут. Балласта я не принимал, рули глубины поставил на всплытие, но без рьяности. Так все же голова расположена чуток повыше и поэтому обзор лучше. Но смотреть не на что. Малые катера идут впереди с бледными синими огоньками на корме. Такой же светится на «Чесме» – это, чтобы я на него не налетел, если придется сбрасывать ход.

Дышу наружным воздухом, подкачивая его мехом все в тот же дыхательный мешок. Поглядываю на показания компаса и лага, слежу за временем, так что никакой расслабленности не выходит. Вот и поворот вправо под прямым углом. Если расчеты нас не подвели – мы точно напротив входа в бухту. Десять минут движения – и остановка. Я отклоняю нос правее, чтобы не налететь на корму буксира. Подрабатываю задним ходом, подводя нос торпеды к борту. Слышу слабый мягкий толчок – меня отцепили.

Дальше катера двинулись одни. У них своя свадьба, а у меня своя. В общем, в бою мы не товарищи. Им нужна темнота, а мне лучше действовать при свете. Рассвет же только через час, и еще столько же до восхода солнца. Болтаюсь. В смысле – покачиваюсь на легкой волне. Жду. Редкие бессистемные огоньки на востоке и юге мне ничего не говорят. И без них знаю, что там суша. Да и видно только то, что расположено относительно высоко. Через остекление ничего толком

не слышно. Хотя бы трубочки слуховые наружу вывел, что ли! Вот ведь, казалось бы, очевидная идея, не так уж сложно реализуемая. Тем более про рупоры для обслушивания горизонта другим подсказал, а о себе не позаботился.

Медицинский стетоскоп, который правильно называется фонендоскопом, это не самое сложное устройство на свете. Блямбочку – наружу, трубки в уши, и слушай не хочу. А на случай повреждения наружной мембраны можно предусмотреть краники внутри корпуса – тоже не верх инженерного гения.

Голова заработала – не заметил, как время прошло. И тут до меня докатился звук взрыва. А через три-четыре секунды – второй. Видимо, по воде и по воздуху пришло уведомление о некоем событии. Вспышки, однако, не наблюдалось.

Снова тишина, и опять взрыв, и еще, через полминуты. Вот тут и всполохи были заметны. Трижды, выходит, стреляли. А торпед с собой увезли – четыре. Может, отказало что-то? Нет, не отказало – и ее голос до меня докатился. Ага, кому-то целая минута потребовалась, хотя, что я несу – может быть, пускали их с разных расстояний.

Взгляд на часы – вот-вот забрезжит. Бравые лейтенанты сейчас должны делать ноги, а мне пора прятаться. Катера ведь прямо здесь и пройдут – я же, считай, у самого входа в бухту. Запросто могут налететь на ныряльщика.

Перекрываю наружную вентиляцию и перехожу на дыхание от баллона. Принимаю балласт, даю ход и рулями глу-

бины загоняю кораблик под воду. Мои любимые десять метров. Здесь никто по моей голове не проедет. Курс – на юг, скорость минимальная. Только чтобы держать глубину. Двадцать минут – и рассвело. Ну вот, нет нужды возиться с подсветкой приборов, а то каждый раз приходится чиркать колесиком по кремню и в свете коротких вспышек читать показания. Утомляет, знаете ли.

Пока не взошло солнце, оценить прозрачность воды не возьмусь. Сумрачно вокруг и однообразно, не за что глазу зацепиться, кроме как за торпеду. Граница сред над головой, и та различается неважно. Но вроде ничего страшного в этом нет – ни на что не наткнусь сослепу при моей черепашьей скорости. А ведь я уже где-то совсем недалеко от цели. Или целей. Или что тут мне оставили шалунишки-лейтенанты.

По мере того как светает, увеличиваю ход. Считаю время и поглядываю на лаг. Кажется, я уже на месте. Точно. Вот якорная цепь, а сверху какая-то туша. Прохожу под ней и различаю много непонятных звуков. Слева, мельтеша винтами, проходит судно, направляясь в море. Может быть, торопится в погоню за моими товарищами? А справа наклонно торчит мачта. Снизу вверх. Кто это? Мутно как-то стало, словно задымление повисло. Однако корабль виден на дне, лежит наклонно, и пузыри из него идут, но не воздушные, а словно жидкость всплывает каплями. Самого дна разглядеть не могу. Оно будто расплывается перед взором, и только стык палубы с бортом просматривается на протяжении пары

десятков метров. Свежачок, однако. Только-только прибыл из подлунного мира в царство Нептуна.

Отворачиваю подальше. Пара сотен метров – и еще один лежит на боку. Скорее угадываю, чем вижу, потому что никакой видимости не осталось – все взбаламучено, и только бушприт торчит из клубящегося облака. Да что здесь случилось? Опять отворачиваю. Закладываю петлю и натыкаюсь на погрузившуюся на самое дно корму. Нос пока остается над поверхностью, однако это не продлится долго. Оседание продолжается – видно невооруженным глазом. И шлюпки вокруг суетятся. Скорее! Надо убраться подальше от этого кошмара.

Вот, вроде снова развиднелось. Раздвинулся горизонт, и опять впереди словно стена грязной ваты. Ужас какой-то. Любопытный, кстати. Принимаю вправо, чтобы не ослепнуть, но тут границы размыты, и я во что-то чуть не влетаю. Задний ход, а, чтобы не всплыть, принимаю немного балласта – нет сейчас ничего более неприятного, чем показать рубку. Во что же я чуть не влетел?

Так, толстые деревянные сваи стоят стеной вплотную друг к другу. Причал. Крадусь вдоль него, стараясь не потерять хотя бы этот ориентир, и что-то большое темное надвигается на меня. Опять экстренный реверс винтов, и я уже на глубине пятнадцать метров. Нельзя забывать, что плавучесть у «Ныряльщика» сейчас отрицательная. Беру чуть влево, подхожу к неведомому препятствию правой скулой, а нет ниче-

го, вернее, это какое-то рангоутное дерево, опутанное вантами. Выходит, еще один свежеутонувший корабль. Обнуляю ход и погружаюсь еще на несколько метров. Вот тут уже четко видно.

Нет, они мне-то хоть что-то оставили? Явно военный корабль опять лежит на боку, потому что рядом видна вывалившаяся из него на дно пушка. И тоже пузыри продолжают выделяться откуда-то, хотя и немного.

М-м-да! Господа лейтенанты натворили здесь делов. Как хорек в курятнике – всех передушили. Хотя я ведь видел кого-то стоящего на якоре. Большого такого, глубоко осевшего. Интересно, смогу ли отыскать, а то петлял как заяц и окончательно запутался. Закладываю дугу влево и следую туда, где, как мне кажется, располагалась достойная торпеды цель.

Есть. Тот это экземпляр, под которым я уже подныривал, или не тот, наверняка не скажешь, но тоже большой и намного лучше видный. И как-то якорная цепь у него беспокойна. Ба! Ее же выбирают! Разворот, доворот, всплытие. Вот теперь через воздух видно нормально. Нельзя стрелять, слишком близко. Спячивание, остановка, прицеливание, пли. Энергичный разворот, нырок – и деру. Курс – на север. Жму изо всех сил и... новый пинок под зад. Попал, значит. Торпедой. Дальше можно не торопиться. Все равно меня при таком пасмурном освещении сверху сквозь воду не разглядеть.

А я иду на север. Глубина невелика. Я просто опустился ниже поверхностного слоя, чтобы волнение не беспокоило ныряльщика. Мне комфортно. Путь в тридцать миль или пятьдесят четыре километра до Поти – увы, таков мой удел, потому что среди белого дня вооруженный пароход не может себе позволить подойти к враждебному берегу в поле зрения главной базы неприятельского флота. Есть у меня подозрения, что сейчас в этих водах не протолкнуться от турецких боевых кораблей, потревоженных предутренним визитом шаловливых лейтенантов. Эх, молодость!

Хотя мне и тут неплохо. Монотонно покачиваю педали и поглядываю на лаг. Три целых шесть десятых километра в час. Два узла. Пилить мне в этом темпе пятнадцать часов. И ни о чем не следует беспокоиться. Или сдохну, или дойду. Хотя точка randevu назначена как раз посередине, но вряд ли меня станут там дожидаться – слишком велик риск.

Вокруг, сколько хватает взора, решительно ничего нет. Вроде и видно все без ограничений, но даль теряется в бесконечности, и я словно подвешен посреди полупрозрачной чуть туманной пустоты. Дно далеко, поверхность моря над головой однотонна и не расцвечена бликами. Меня тянет в дрему и вообще как-то наплевать на то, чем это закончится.

Непорядок. Тем более что поработавшее уже несколько

часов тело аж распирает от физических сил. Ну-ка, поднажму немного.

Что за незадача, почему-то показания глубиномера уменьшаются. Ах да, у меня же отрицательная плавучесть и рули глубины тащат лодку вверх тем шибче, чем пуще ход. Нехорошо. Тихонько продуваю цистерны. Чуть-чуть поддаю и принимаюсь оценивать, куда меня тянет. Вот, сбалансировался в плюс. Если замедляюсь, начинаю медленно всплывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.